

ТАТЬЯНА ПОЛЯКОВА

авантюрный детектив

Караоке для дамы с собаркой

Хорошенькое дельце – к вам приходит человек
и просит отомстить за него после того, как его убьют.

Татьяна Викторовна Полякова
Караоке для дамы с собачкой
Серия «Ольга Рязанцева», книга 5

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121229

Караоке для дамы с собачкой: Эксмо; Москва; 2005

ISBN 5-699-08289-1

Аннотация

Хорошенькое дельце – к вам приходит человек и просит отомстить за него после того, как его убьют. К Ольге Рязанцевой именно с такой просьбой обратилась молодая женщина. Можно было бы отмахнуться, но женщину и вправду застрелили, а ее кровью написали дату следующего преступления, которое и совершилось точно в срок. Убийца еще и ухитряется передать привет лично Ольге. Впрочем, подоплека всей этой игры ей ясна. Важнее ответить на вопрос – кто же она сама: содержанка полумафиозного чиновника или человек с честью и достоинством? Ответить надо быстро, ибо к виску Ольги приставлен пистолет и время уже пошло...

Содержание

Татьяна Полякова

4

Конец ознакомительного фрагмента.

98

Татьяна Полякова

Караоке для дамы с собачкой

– Вы Рязанцева? – услышала я за спиной и нехотя повернулась. – Рязанцева Ольга Сергеевна? – повторила молодая женщина прямо-таки ослепительной красоты.

Впрочем, при ближайшем рассмотрении оказалось, что красотой господь наделил ее не больше, чем меня, но она своей распорядилась с умом и кое-что даже подредактировала: интригующий цвет глаз, скорее всего, линзы, а бюст силиконовый, объемом талии девушка обязана корсету, а цветом лица косметологу, грим был наложен профессионально. Выглядела она юной и свежей, хотя уверенно приближалась к своему тридцатилетию, а может, успела и перевалить за него.

За что я терпеть не могу всячески приемы, так это за необходимость толкаться в толпе граждан, среди которых непременно отыщется особь, желающая потолковать с тобой по душам. Обычно это нетрезвая дама. И слушать тоска, и к черту не пошлешь. «А вот и пошлю», – недобро подумала я, косясь на бокал в руках девицы. Впрочем, выглядела она не только красивой, но и трезвой.

– Да, я Рязанцева, – ответила я безо всякой охоты. – А вы кто?

Она засмеялась, весело и заразительно.

– Я вас такой и представляла, – заявила она, когда ей надоело смеяться, а мне надоело ждать.

– Рада за вас, – не осталась я в долгу. – Не люблю разочаровывать. Как вас зовут?

– Светлана, но друзья называют меня Светик.

– Если в ваших планах подружиться со мной, то на всякий случай предупреждаю: я не самая лучшая кандидатура.

– Почему? – улыбнулась она. Разговор ее явно забавлял.

– Я по натуре не очень дружелюбна. Характер у меня скверный, дружат со мной в основном собаки, маленькие и вредные.

– Я знаю, у вас есть такса, зовут Сашка. Правильно?

– Ну, это все знают, – пожала я плечами.

– А правда, что вы сделали наколку «Мне все по фигу»? – не унималась Светлана.

– Простите, вы не из «Метронома»? – проявила я интерес. «Метроном» – желтая газетенка в нашем городе, не оставившая меня своим вниманием даже после того, как я покинула здание с колоннами, откуда Дед руководил народом, избравшим его. – Тамошние ребятишки обожают подобные вопросы.

– Нет, я не из газеты. И вообще, не имею отношения к средствам массовой информации.

– А к чему имеете?

– Я вам не нравлюсь? – просто спросила она, чем, при-

знать, удивила меня.

– Напротив. Мои глаза на вас отдыхают. Извините, мне нужно в туалет. – Я сделала шаг в сторону, с намерением оставить девушку, но она схватила меня за руку.

– Подождите.

– Жду.

– Знаете, с вами трудно разговаривать.

– Так, может, не стоит мучиться? – вздохнула я.

И тут начались сплошные загадки.

– Он говорил вам обо мне? Впрочем, нет... невозможно. Наверное, это что-то интуитивное.

– Наверное, я мало выпила сегодня, – не выдержала я. – Ни словечка из того, что вы сказали, я не поняла.

– Иногда очень трудно выразить свои чувства, – пожаловалась она.

На счастье, подошла Ритка, моя подруга и секретарь Деда.

– Он тебя ищет, – сообщила она в своей обычной манере, без всякого интереса взглянув на Светлану.

Тут, рассекая толпу, точно крейсер прибрежные воды, появился Дед. Несмотря на возраст, а ему уже за шестьдесят, выглядел он много лучше двух десятков мужчин, что в настоящий момент топтались здесь. Сегодня на приеме собрались представители администрации и бизнесмены. Представители администрации все, как один, страдали ожирением и одышкой, дамы в этом смысле ничем от мужчин не отличались. Бизнесмены выглядели подтянутыми, щеголяли ран-

ними лысынами и сероватым цветом лица, нажитыми вместе с деньгами; их жены сверкали бриллиантами и время от времени оглядывались, точно пытаясь сообразить, куда они попали. Жены представителей администрации были в деловых костюмах, но взгляды их, обращенные друг на друга, горели лютой злобой и блеском могли поспорить с бриллиантами. В общем, обычная тусовка, и люди тоже обычные, если б не эта Светлана.

Она проследила мой взгляд, увидела Деда и слабо улыбнулась. Я подумала: может, в ее словах нет никакой загадки, просто это очередная подруга Деда подошла потолковать со мной, есть такие любительницы. Не знаю как ей, а мне Дед в тот момент понравился, высокий, подтянутый, с серебристой гривой волос, седина необыкновенно шла ему.

– Он красивый, – произнесла Светлана, и я с ней согласилась:

– Еще бы.

– Вы его любите?

– Как отца родного, – кивнула я, приврав самую малость, особенно если учесть, что Дед, в миру Кондратьев Игорь Николаевич, старый друг моего отца, а после его смерти единственный близкий мне человек. О том, что долгое время он был моим любовником, а также работодателем, лучше умолчать.

Ритка недоуменно взирала на Светлану, теряясь в догадках. Дед, на ходу пожимая руки, подошел к нам, взглянул

на Светлану, нахмурился, торопливо поздоровался и сказал мне:

– Идем, познакомлю тебя с Арсеньевым.

– На кой он мне черт? – прошипела я, когда мы немного удалились.

– Прекрати, – осадил меня Дед. – Ты же знаешь, сейчас такое время...

– Про время помню, – перебила его я, – только не могу понять...

– Постарайся произвести на него хорошее впечатление, – в свою очередь, перебил меня Дед, из чего я заключила, что он не терял надежды вновь увидеть меня в своем штате. Пока я стойко сопротивлялась, но и он не отступал.

С Арсеньевым, который не так давно стал председателем законодательного собрания, мы все-таки познакомились. И я даже смогла ему понравиться, что в принципе неудивительно: девушка я молодая, красивая и могу обаять кого угодно, если приходит охота, а как ей не прийти, когда Дед стоит рядом и смотрит так, точно ждет пряника.

Арсеньев подхватил меня под локоток и принялся рассказывать анекдот, который я слышала уже раз пять, и над смешным анекдотом смеяться в шестой раз сложновато, а уж этот был попросту дурацким. Я захихикала, надеясь, что Дед придет мне на выручку, зная, что терпения у меня – кот наплакал.

Рассеянно слушая Арсеньева, я наблюдала за мельтеша-

щими людьми и вдруг поймала себя на мысли, что высматриваю Светлану. Но среди гостей ее не было. Пожилая дама наконец освободила меня от Арсеньева, и я спросила Деда:

– Ты давно знаком со Светланой?

– С кем? – удивился он.

– С девушкой, с которой я разговаривала перед тем, как ты подошел.

– Та, что с силиконовым бюстом? – Способность Деда с ходу отличать подделку, у меня неизменно вызывала уважение. – Понятия не имею, кто это.

– Серьезно? – Я спросила с удивлением, а Дед решил, что с издевкой.

– Тебя послушать, так я здесь всех баб перетрахал, – заявил он со злостью.

– Мне такое и в голову не приходило, – сказала я. – Процент девяносто, не больше.

Я засмеялась. Дед вздохнул, но потом тоже засмеялся. Его страсть к женскому полу была общеизвестна. То, что бабы в нем души не чаяли, тоже дело понятное. Дед – прирожденный лидер, а бабы тянутся к сильным мужчинам, хоть и догадываются, что обретаться рядом с такими – не сахар.

Он взглянул на часы и заявил:

– Минут через двадцать можем смыться. Ты как?

– По мне, так и вовсе приходить не стоило, – отозвалась я.

Он только покачал головой, хотя я была права, потому что знать не знала, в каком качестве нахожусь здесь.

На Деда я теперь вроде бы не работала, числясь в долгосрочном отпуске (он так и не соизволил подписать мое заявление), к плеяде бизнесменов меня тоже не отнесешь, коли уж ничем полезным я не занимаюсь. Если быть честной, я вообще ничем не занимаюсь, пользуясь тем, что денег у меня, благодаря Деду, пруд пруди, и я понятия не имею, что с ними делать. Подозреваю: сюда он притащил меня, боясь, что от безделья я тихо схожу с ума в своей квартире. Впрочем, может быть, надеялся, что я перестану валять дурака и вернусь к своим обязанностям. В его штате я занимала должность помощника по связям с общественностью, трактовать сие можно было весьма расширительно. Сам Дед предпочитал давать мне конфиденциальные поручения, которые по большей части мне не нравились, что и послужило в конце концов причиной моего долгосрочного отпуска. Наши с Дедом отношения были до того запутаны и даже нелепы, что я давно отчаялась разобраться в них. Ужиться нам было нелегко, но и расстаться не получалось, потому что, несмотря на расхождения во взглядах, мы были очень близки – словом, выходило как в пословице: вместе тесно, а врозь скучно.

Деда перехватил незнакомый толстяк в ярком галстуке, а я направилась к столу, взяла бутерброд с икрой и вдруг почувствовала, что в настроении граждан наметилась некая перемена. Еще минуту назад толпа благодушествовала, в меру выпив и закусив, а тут точно легкий ветерок прошел по залу, разговоры стихли, сосед слева замер с бокалом у рта, а дама

напротив напряженно вытянула шею.

Я с некоторым удивлением огляделась и без труда смогла обнаружить причину такого повышенного внимания: в зал не спеша вошел Тимур Тагаев. Народная молва называла его «крестным отцом» нашей мафии. Возможно, так оно и было. ТТ, под этим прозвищем знали Тимура и стар и млад, своего теперешнего благосостояния достиг путем несправедливым, однако никогда не «привлекался». Налоговая и прочие органы при всем желании достать его не могли. Впрочем, желание также вызывало сомнение, уж если б желали, непременно бы достали. С неугодными Дед был скор на расправу, но мне было доподлинно известно, что Тагаев щедро делится с народными избранниками, и в первую очередь с Дедом. К тому же, несмотря на молву, он вполне мог считаться бизнесменом, у него были свой ресторан, казино, бензозаправки, два автосалона, пай в трех строительных фирмах, пара заводов, где ляпали пельмени и сбивали масло, и еще много чего, сразу и не вспомнишь. И если уж Деду пришла охота собрать цвет нашего предпринимательства, то Тагаеву здесь самое место. Начав с дворовой шпаны, по меткому выражению Деда, Тагаев к тридцати шести годам стал в масштабах нашего областного центра очень и очень богатым человеком.

Однако, несмотря на успехи в бизнесе, он был фигурой все-таки нежелательной. Вот так являться на тусовку преданные очи Деда – верх наглости, и то, что он вдруг появился, здорово удивило даже меня. Тагаев посмеивался над вла-

стью, наживал свои миллионы и никуда не лез. Хотя в последнее время мог и озадачить: к примеру, заказал колокола на свои кровные для Воскресенской церкви, а также оклад на икону Богородицы из чистого серебра с позолотой, о чем раструбили все газеты, поместив его портрет в обнимку с нашим епископом. Мой друг Лялин, который всегда все знает лучше всех, три дня назад подергал рыжий ус, разглядывая фотографию, и заявил:

– ТТ в политики намылился.

– Чушь, – возразила я, потому что была о Тимуре лучшего мнения.

– Помяни мое слово, – самодовольно изрек Лялин. Я нахмурилась.

– Он умнее, чем кажется, – вступилась я за Тимура.

– Парню стало тесно, – хмыкнул Лялин, – хочется душевно развернуться.

На этом разговор мы прекратили, каждый остался при своем мнении.

То, что Тагаев впервые появился на официальном приеме, меня озадачило и навело на мысль, что Лялин, возможно, прав.

Я взглянула на Деда, желая знать, как отнесся он к столь неожиданному появлению, и смогла убедиться, что не только у меня возникло такое желание: взгляды присутствующих метались от Деда к Тагаеву, и все напряженно чего-то ждали. В лице Деда наметилось некоторое недовольство. Но на-

до отдать ему должное, он быстро справился с собой, в сторону Тагаева даже не взглянул, игнорируя его появление, и продолжил разговор с толстяком. Далее было очень интересно: толпа попятилась от ТТ, точно от зачумленного, а он с блуждающей улыбкой на устах прогулялся по залу. От стола навстречу к нему выпорхнул сначала один бизнесмен, затем другой, потом они просто-таки потянулись вереницей. Дед, конечно, и в Африке Дед, но и с Тагаевым задираться дураков нет. Тимур всегда все подмечал и ничего не прощал.

Граждане судорожно шарахались от одного к другому. Дед едва заметно дергал щекой, а Тагаев явно наслаждался ситуацией.

Ко мне подскочила Ритка, лицо ее пылало, глаза метали молнии.

– Он что, с ума сошел? – зашипела она, обращаясь ко мне. Я выразила удивление поднятием бровей. – Он что, с ума сошел? – гневно повторила она, должно быть, избрав меня козлом отпущения.

– Возможно, – уклончиво ответила я, не желая затевать диспут на малоинтересную для меня тему.

– Какая наглость, – простонала она, готовясь разреветься от злости.

– Чего ж его охрана пропустила? – потерла я нос, наблюдая за передвижениями Тимура.

Ритка растерянно взглянула на меня.

– Так у него приглашение.

– Вона как, – скривилась я. – И кто до такого додумался?

– Но... ты же знаешь, – принялась объяснять Ритка, как будто я в самом деле знала, – Анисимова на нем просто помешалась, после того как он детский санаторий отремонтировал. Зудела и зудела, что «мы обязаны пригласить»... Ну и пригласили, были уверены, что не придет. Не первый раз приглашали, и никогда не приходил.

– А тут взял и явился, – посочувствовала я.

– И не стыдно тебе? – обиделась Ритка. – Ты бы хоть о нем подумала. – О нем, это о Деде, конечно.

– Он справится, – отмахнулась я.

Тагаев как раз появился в поле зрения Деда, но тот и бровью не повел, повернулся и взглядом нашел меня в толпе.

Тут надо пояснить, что та же народная молва некогда зачислила меня в любовницы Тимура. Если честно, то не без оснований.

Наша любовь с Тагаевым была скоротечной. Мы встретились в трудную минуту, помогли друг другу, но, вместо того чтобы тихо-мирно разойтись, как-то между делом оказались в одной постели. Это было большой ошибкой. Я признала ее сразу, а он все как-то упрямился. Однажды он даже заявил, что любит меня. Я не поверила и схлопотала по физиономии. То, что официально дом с колоннами, где властвовал Дед, я так и не покинула, он расценил, как мой выбор в пользу Деда, и удалился с улыбкой на устах и со словами «насильно мил не будешь». Правда, обещал позвонить, что-

бы как-нибудь сыграть партию в шахматы, но, наверное, забыл об обещании, потому что с тех самых пор мы ни разу не виделись. Я была вполне удовлетворена подобным развитием событий, встреч не искала и не собиралась звонить ему. Но сейчас, наблюдая за ним, я совершенно неожиданно почувствовала некое волнение. Более того, это было как укол в сердце. Сердце меня до сего времени не беспокоило, а вот теперь удивило.

Тагаев был хорош с этой своей небрежной улыбкой, равнодушием к суете вокруг, шепотку за спиной и твердой уверенностью, что ему сам черт не брат. Мои губы против воли растянулись в улыбке. Он напоминал тигра в стае шакалов и, подозреваю, хорошо знал об этом. Здесь он был единственным, кто мог потягаться с Дедом, так что неудивительно, что все с таким жадным вниманием наблюдали за происходящим.

Заметил меня Тагаев или нет, не берусь судить. Если и заметил, то вида не подал. А я решила не искушать судьбу и попыталась тихо смыться. Пользуясь тем, что Тимур стоит ко мне спиной и видеть в настоящий момент не может, я подошла к Деду, чтобы сообщить, что здесь ничего меня не держит. Я как раз проходила мимо Тагаева и услышала, как он говорит кому-то:

– Ты-то здесь с какой стати? – Голос его звучал скорее строго, чем удивленно.

Я проявила любопытство и обернулась, чтобы поглядеть,

с кем это он говорит. Рядом с Тагаевым стояла Светлана.

– Я серьезно отнеслась к твоему предостережению, – ответила она, – и решила подстраховаться.

– Ну-ну, – хмыкнул он.

Тут девушка заметила меня, улыбнулась, а я, проигнорировав улыбку, резко сменила траекторию своего движения и направилась к Ритке. Та все еще пылала праведным гневом.

– Кто эта красавица? – спросила я, кивнув на Светлану.

– Которая? – не поняла Ритка. Да и немудрено не понять, коли вокруг столько народу, а все женщины красавицы по определению.

– Та, что разговаривает с Тагаевым.

– Понятия не имею, – нахмурилась она. – Чья-нибудь жена. Зачем это тебе?

– Ты слышала о таком грехе, как любопытство?

– О господи... – Ритка уверенно направилась к дверям, где маячила охрана.

Я устремилась за ней, но была остановлена госпожой Архангельской, депутатом и страшной занудой.

– Ольга Сергеевна, мы хотим пригласить вас на заседание нашего общества «Женщины и политика». Сейчас мы работаем над программой «Мать и дитя», защита прав матери и ребенка. Игорь Николаевич одобрил... Я считаю, вы не должны оставаться в стороне...

Я кивала в такт ее словам, мысленно прикидывая, что полезного могла бы сделать для матерей и детей. От назойли-

вой дамы меня спасла вернувшаяся Ритка.

– Никто не знает, что это за девка, – с неудовольствием сообщила она. Неудовольствие относилось к тому факту, что на такой простой вопрос ей не смогли дать внятный ответ. – Но раз здесь все по приглашениям, значит, она притащилась с кем-нибудь из мужиков. Охранник говорит, что вроде с Яхонтовым, но он не уверен.

Яхонтов, известный в городе пустобрех, неудавшийся политик и владелец пресловутого «Метронома», слыл донжуаном и мог явиться с кем угодно, от сотрудницы до любовницы.

– Спасибо за ценные сведения, – сказала я.

Ритка скривилась.

– Ничего никому нельзя доверять. Сумасшедший дом, никто ни за что не отвечает... Дед, – она понизила голос, – идет к нам. Лучше б меня мама в детстве утопила, чем пережить завтрашнее утро, когда он устроит разбор полетов.

Ритка выжала из себя улыбку и сочла за благо удалиться.

– Ну что? – спросил Дед. – Едем домой, или ты еще побудешь здесь?

Подобная постановка вопроса означала одно: он в бешенстве и злится почему-то на меня, хоть и не я посылала Тагаеву приглашение.

– С какой стати? – удивилась я, намекая на свою невиновность.

– Тогда пошли.

Но уйти не получилось. Все вдруг замерли, и в наступившей тишине я услышала голос Тагаева, вдруг появившегося из-за моей спины.

– Привет, Детка, – с чувством сказал он и запечатлел на моей щеке братский поцелуй. Этого ему показалось мало, и, совершенно игнорируя Деда, он продолжил: – Отлично выглядишь. Как дела?

– Были неплохи. По крайней мере, до той минуты, когда появился ты, – усмехнулась я. Вышло это у меня как-то нервно, что, в общем-то, неудивительно.

Дурацкая выходка Тагаева выглядела оскорблением Деда. Меня, близкого ему человека, на глазах изумленной публики целует местный мафиози, которого по глупости позвали в приличное место. При этом он еще называет меня Деткой. Впрочем, меня зовут так все кому не лень, с благословения все того же Деда, ибо этим глупым прозвищем я обязана ему. У него все бабы – детки, а со мной он никогда особо не церемонился и вполне мог назвать так публично, причем не раз и не два. Так что это прозвище намертво прилепилось ко мне.

– Давно не виделись, – как ни в чем не бывало, продолжил Тагаев. – Как насчет того, чтобы поужинать вместе?

– Все это время я не отходила от телефона, ожидая твоего приглашения.

– Ну вот и дождалась, – хохотнул он.

– С этим трудно не согласиться, – кивнула я.

Дед, похожий на статую, стоял рядом, но я-то знала, как

обманчиво это его спокойствие, и судорожно прикидывала, как выйти из дурацкого положения. В конце концов, Тагаев имел право и подойти и даже поцеловать меня, а также называть меня Деткой, раз уж еще три десятка придурков обращаются ко мне так же. Но попробуй объяснить все это Деду. Положение спасла Ритка.

– Тимур Вячеславович, – со счастливой улыбкой кинулась она к Тагаеву. – Как удачно, что мы встретились. У меня к вам большая просьба... – Не знаю, что за просьбу смогла она придумать, но в сторонку все-таки его оттащила.

– Поехали? – спросила я Деда, вздохнув.

– Тебе не кажется, что это будет похоже на бегство? – наконец выйдя из столбняка, поинтересовался он.

– Лучше б и меня мама утопила, – пробормотала я. Но как я ни храбрилась, на душе у меня было тревожно, а если честно, то просто паршиво. Я пошла в туалет, решив, что это единственное место, где я могу побыть наедине с собой и собраться с мыслями.

На счастье, двери всех трех кабинок были распахнуты, перед умывальником тоже никто не толпился. Я умылась холодной водой, уверив себя, что мою красоту ничто не испортит. Аккуратно промокнула лицо бумажным полотенцем и подмигнула отражению в зеркале.

– Навешали матрешке, – сказала я нараспев.

Тут дверь за моей спиной распахнулась, и я увидела Светлану. В том, что она появилась в туалете, не было ничего

удивительного, а вот дальше началось черт-те что. Она привалилась спиной к двери и для верности даже держалась за ручку, чтобы кто-то не вошел.

— Ольга Сергеевна... — облизнув губы, начала она. Девушка явно волновалась. Шикарнейший ее бюст ходил ходуном, она опять облизнула губы. Я наблюдала за Светланой в зеркало, продолжая стоять к ней спиной.

— Светик, а вам не кажется, что вы ведете себя странно? Чересчур загадочно. А я как-то не люблю загадок.

— Я знаю. Я все о вас знаю. Вы не удивляйтесь. Если честно, я вам завидую. И хотела бы быть похожей на вас.

— Да? — все-таки удивилась я, поворачиваясь. — Заведите собаку, сделайте наколку, и мы будем, как сестры-близнецы. Она как-то робко улыбнулась:

— Выслушайте меня, пожалуйста. Я пришла сюда, чтобы встретиться с вами. Да-да. Я много думала и решила, что это мой единственный шанс. Я ведь и в самом деле очень много знаю о вас. Вы раскрыли несколько убийств...

— А вы что, кого-нибудь убили? — вздохнула я, приглядываясь к ней.

— Я? Нет. Но я знаю, что меня убьют. Понимаете? Может быть, уже сегодня.

— Вы что пили? — спросила я. — По опыту могу сказать, что мартини не такая безобидная штука, как кажется. По крайней мере, мне по шарам дает здорово, еслихватишь лишнего.

– Не думайте, что я не понимаю, как глупо это звучит, – растерянно пробормотала она.

Если честно, я так не думала. Какие-то основания для беспокойства у нее, наверное, были, да и говорила она вполне искренне.

– Давайте встретимся завтра и все обсудим, – предложила я.

– Я вам ничего не скажу, – отчаянно замотала она головой.

– Вот тебе раз... – развела я руками. – Тогда что вам от меня надо?

– Чтобы справедливость восторжествовала. И если он меня убьет, я хочу быть уверенной...

– Светлана, – перебила ее я, – кто вас убьет?

– Он. Человек, которого я люблю. Может, и он любит меня. Он так сказал. Господи, как я люблю его, – прошептала она с такой мукой, что мне вдруг стало больно. – Мы познакомились совсем недавно, и я... я чуть с ума не сошла от счастья. Но... но теперь я думаю, что не нужна ему. Я просто орудие, понимаете?

– Не очень. Орудие чего?

– Преступления, конечно, – вымученно улыбнулась она. – Я так думаю... Нет, я почти уверена. Я знаю, вы скажете, что надо идти в милицию и все рассказать. Только я не могу, поймите. Вы должны меня понять. Именно вы... Не спрашивайте почему, вам потом все станет ясно. Я тоже думала, что надо пойти и рассказать, потому что он в живых меня

не оставит. Он чудовище... Нет, он лучше всех. Вдруг он не врал, вдруг он любит, а я... я его предам. Понимаете? Пусть лучше убьет... Я рискну... Но если это игра и он меня использует... Обещайте, что вы найдете его и отомстите, за нас обоих.

Тут дверь за ее спиной дернулась, кто-то пытался войти в туалет, Светлана шарахнулась от двери и, когда та открылась, выскочила в коридор. Две дамы посмотрели на нее с недоумением.

– Сумасшедшая какая-то, – пробормотала одна, прикрывая дверь. Они настороженно поглядели на меня, а я поторопилась покинуть туалет.

В коридоре девушку я не обнаружила. Не было ее и в зале. Я направилась к охране на выходе.

– Вы не видели блондинку в красном платье? – Тут я сообразила, что в открытом вечернем платье в такую погоду вряд ли щеголяют по улице.

– Не знаю, в каком она платье, – отозвался охранник, – но одна в черном пальто только что вышла.

– Одна?

– Да.

Я вернулась в зал. Тагаев мило беседовал с представительным дядей неопределенного возраста в углу зала. Дед расточал улыбки сразу трем дамам, две из которых этого не стоили. Я решила, что для одного вечера событий более чем достаточно, и направилась к гардеробу, намереваясь уйти по-

английски. Против воли мыслями я то и дело возвращалась к Светлане. Она смогла заинтриговать меня, особенно под конец, когда заявила, что мне придется отомстить и за нее, и за себя.

Выйдя на улицу, я вздохнула, что называется, полной грудью и на всякий случай огляделась. Светлане ничего не стоило дожидаться меня здесь, если ей придет охота продолжить разговор. Площадь была пуста, я покосилась в сторону автостоянки, фары не мигнули, вообще там не замечалось никакого движения, значит, она решила, что сказала мне достаточно.

Я зябко поежилась. Температура упала градусов до двух, в воздухе ощущалось приближение морозов. Я направилась к трамвайной остановке, рядом с которой вереницей замерли такси. Через двадцать минут я уже была дома. Сашка с унылым видом катал в холле мячик. На меня он взглянул так, точно я ему наступила на хвост.

– На приеме собаке делать нечего, – повысила я голос, Сашка потрусил в кухню, а я плюхнулась перед телевизором и немного посидела без всяких мыслей. Потом сняла пальто и бросила его на соседнее кресло.

Тут в дверь позвонили. Я пошла открывать и без всякого удовольствия обнаружила на пороге Деда. Сказать, что он был зол, значит сильно приукрасить действительность. Он был в бешенстве.

– На самом деле это не я его пригласила, – напомнила я,

чтобы Дед не вздумал говорить мне гадости.

– С этим я разберусь, – кивнул он с таким видом, что у меня заныли зубы. Кому-то завтра не поздоровится. – Что у вас с ним? – спросил Дед грозно.

– Ничего, – пожала я плечами и в тот момент совершенно не лукавила, в самом деле ничего. Мы даже не виделись в последнее время.

– Ничего, – передразнил Дед. – Поэтому он и ведет себя так, точно... Тебе следовало осторожнее выбирать приятелей, раз уж...

– Я работаю на тебя, – поспешила я закончить. – Без проблем. Считай, уже не работаю.

– А что это изменит? – резонно заметил Дед.

– Я избавлюсь от необходимости все это выслушивать.

Мои слова ему не понравились.

– Тебе непременно нужно водить дружбу со всякой шпаной? – поморщился Дед. – Делать дурацкие наколки, пьянствовать в компании дегенератов...

– Я даже не помню, когда это было.

Ясно, что Дед решил сорвать зло на мне. Я ничего не имела против того, чтобы немного побыть девочкой для битья, устроилась в кресле и взглянула на него, предлагая продолжить.

Однако он плюхнулся на диван по соседству, уставился в пол и начал молча его разглядывать. Я потеряла нос, поерзала, но продолжала молчать.

– Как думаешь, что это значит? – наконец спросил Дед.

– Ты имеешь в виду его дурацкое поведение? – уточнила я. – Понятия не имею.

– Если он надумал идти в политику, так это плохая идея, – подытожил Дед. Я согласно кивнула.

Что да, то да. Заниматься политикой у нас можно лишь с высочайшего благословения. Конечно, я не хочу сказать, что Дед самолично решает, кому выставить свою кандидатуру в каком-нибудь захудалом районе, а кому сидеть дома. Но Тагаеву вряд ли придет в голову отправиться в захудалый район, а в городе с населением в полмиллиона двум таким парням тесно. Следовательно, если Тагаев и в самом деле решил заняться политикой (не очень-то я в это верила, лично мне он всегда казался разумным парнем), так вот, если я все-таки не права и он решил это всерьез, то нас ждут тяжелые времена. В такой период лучше держаться от центра событий подальше. То есть мне самое время уйти в отставку официально. Тут имелся еще один нюанс. Если учесть, что Тагаев делится доходами от криминального бизнеса с Дедом (страшная тайна, о которой знают человек пять, и я в их числе), значит, нам предстоит война не только политическая, но и экономическая. Беспокойство Деда становилось понятным, а вот Тагаев точно сошел с ума. Все враги Деда непременно оказывались на кладбище. Кое-какие добрые чувства к Тагаеву у меня все же остались, и я желала ему долгих лет жизни.

– Поговори с ним, – изрек Дед. – Хотелось бы прояснить

его позицию.

– Может, и нет никакой позиции? – вздохнула я. – А есть дурацкое желание досадить тебе.

– Потому что ты его бросила и вернулась ко мне?

Формулировка требовала уточнения, но влезать в это я не стала, просто кивнула. На самом деле не бросила, для того, чтобы «бросить», надо какое-то время быть вместе. Мы занимались любовью, но вместе не были. Классифицировать наши отношения с Тагаевым я не берусь. К Деду я тоже не возвращалась, то есть любовниками мы давно не являлись. Опять же Тагаев не производил впечатления человека, который способен страдать из-за неразделенной любви (в наличии которой я сильно сомневалась) и, как следствие, творить всякие глупости. Значит, всему этому есть другая причина, если не политика, то... черт его знает что.

Дед резко поднялся и пошел к двери. Уже в холле он опомнился, вернулся и поцеловал меня по-отечески – в макушку.

– Спокойной ночи, – пробормотал он и удалился.

Не успела я высказать Сашке, что думаю по этому поводу, как вновь раздался звонок. На сей раз звонил телефон. Я сняла трубку и услышала голос Тагаева.

– Привет, Детка, – сказал он.

– Привет. Что это на тебя сегодня нашло, скажи на милость?

– Не понял, – произнес он с такой интонацией, что было ясно: понял, причем прекрасно.

– Какого черта тебе понадобилось дразнить Деда? Лучше б съездил мне публично по физиономии, ей-богу.

– Брось, что я такого сделал? Поцеловал тебя при встрече? Мы же друзья, разве нет?

– Еще бы. Конечно, друзья. Не замечала, чтобы ты раньше интересовался подобными тусовками.

– Я и сейчас не очень интересуюсь. Люди звали, вот и пришел, почему бы не проявить уважение?

– А зачем звонишь мне? – усмехнулась я.

– Ну... ты так внезапно исчезла...

– Кстати, что это за девушка в красном платье разговаривала с тобой? Светлана, кажется?

– Светлана? – Тагаев вроде бы удивился. – Не помню.

– Она еще сказала, что серьезно отнеслась к твоему предостережению.

– А ты ничего не путаешь? – подумав, спросил он.

– Ты же знаешь, что нет. Так что это за девушка?

– Там было полно баб, и я не помню, о чем болтал с ними.

Такой ответ тебя устроит?

– А разве у меня есть выбор? Ладно, спасибо, что позволил. – Я уже собралась повесить трубку, но он быстро спросил:

– Что, если нам поужинать завтра? А потом сыграть в шахматы.

– Наша нежная дружба оставила след в моей душе, но, если честно, я считала, что это пройденный этап.

Тагаев засмеялся и повесил трубку. Я вновь устроилась в кресле. Мне было как-то не по себе. Пес подошел и заглянул мне в глаза, его глаза тоже были грустными.

– По большому счету, нас это не касается, – заявила я, подхватывая Сашку на руки. – И Тагаев, и эта Светлана. Мы с тобой на дачу поедem и думать о них забудем.

Утром мне позвонила Ритка. Голос ее звенел как натянутая струна.

– Он велел тебя найти, – сообщила она лаконично, имея в виду Деда, – но я подумала, что лучше вам сейчас не встречаться.

– Что так?

– Он еще не успокоился. Брякнет что-нибудь лишнее в таком состоянии, ты, конечно, сразу заявление на стол. И с кем я останусь в нашем гадюшнике? Так что отключай мобильный.

Поразмыслив, я решила, что Ритка права, и выключила мобильный. Мы с Сашкой отправились к друзьям на дачу и вернулись где-то около одиннадцати вечера. Поужинали, Сашка стал смотреть телевизор, а я листать «Полный церковнославянский словарь», увлеклась, и потому внезапный телефонный звонок вызвал у меня недовольство. Звонили поздно, а, как известно, до утра подождать не могут только плохие новости. Опять же звонка я ни от кого не ждала, следовательно, скорее всего, это Дед, что лишний раз подтвер-

ждает мысль о том, что ничего хорошего ждать от жизни мне не приходится. Я всерьез собралась затаиться, но тут включился автоответчик и выяснилось, что это звонит Вешняков.

– Ольга,ними трубку, если ты дома.

Против своего друга Артема Вешнякова я ничего не имела. Однако, если он звонит в такую пору, значит, хорошего ждать не приходится. Хотя, может, жена с детишками отбыла к теще, и он решил, что ему необходимо общество. Я сняла трубку и поинтересовалась:

– Что там у тебя?

– У меня головная боль по случаю очередного нагоняя от начальства. Скажи-ка, тебе знакома фамилия Луганская? Луганская Светлана Геннадьевна?

– Нет, а должна? – вздохнула я, готовясь к неприятностям, коли уж Вешняков начал с такого вопроса.

– Короче, мне сейчас Новиков звонил. На Ямской нашли труп женщины. Застрелена в собственной квартире. Возле телефона твоя визитка. Тебя Новиков не рискнул беспокоить, побеспокоил меня.

– Ты знаешь, сколько своих визиток я раздавала, находясь на службе у Деда?

– Не знаю, но догадываюсь. Однако я хотел бы, чтобы ты взглянула на убиенную. Так, на всякий случай.

– Вешняков, ты в курсе, что я трупы не люблю?

– Так и я на радостях до потолка не прыгаю. Но нам стоит встретиться и прикинуть, что там вырисовывается. На Ям-

ской я буду через полчаса. Четырнадцатый дом. Там и встретимся.

Артем повесил трубку. Я задумалась. Визитка, конечно, ерунда, но Артем прав, следует убедиться, что женщина ко мне не имеет никакого отношения, а тем более что ко мне не имеет отношение ее убийство. В конце концов, пока я лицо официальное. Так что если мое имя свяжут с делом об убийстве, Дед от этого в восторг не придет. Он еще не успел отойти от вчерашнего происшествия, и вот – нате вам.

– Черт-те что, – буркнула я досадливо и пошла одеваться.

Заметив это, Сашка принялся вертеться у меня под ногами. Я подумала и взяла его с собой. Все же родная душа рядом. Спустилась в гараж и не без удовольствия взглянула на новенький «Феррари» ярко-желтого цвета. Обивка в салоне была голубая, в целом выглядело это в высшей степени впечатляюще.

Машину месяц назад мне подарил Дед. До этого у меня тоже был «Феррари», но он пострадал в перестрелке, устроенной лихими ребятами, когда я по привычке сунула нос не в свое дело. Впрочем, сунуть нос меня попросил Дед, так что я сочла вполне справедливым, что он компенсировал мне потерю транспортного средства.

Я распахнула дверь, Сашка забрался на сиденье, игнорируя сумку. Я открыла ворота и вскоре уже выезжала на проспект.

Фонари на Ямской не горели. Редкие окна еще светились,

а так темень – хоть глаз выколи. Я едва не проехала мимо четырнадцатого дома, но вовремя заметила табличку, свернула во двор и увидела Артема. Он курил, привалясь к крылу своей машины. Три недели назад он тоже сменил тачку. До этого ездил на «Жигулях», которые смело можно было записать в ветераны автомобилестроения. Как Артем смог избавиться от нее, для меня загадка. Мне с трудом верилось, что кто-то в здравом уме мог купить ее. Артем приобрел «десятку», вполне приличную с виду, но буквально через несколько дней какой-то олух въехал ему в крыло и помял обе двери, так что теперь новая машина выглядела ничуть не лучше старой. Вешняков с тоской поглядывал на нее и вздыхал. Я притормозила рядом. Он подошел ко мне.

– Идем, Новикова я предупредил, он нас ждет.

С Новиковым я была знакома, как-то раз вместе пили пиво. Мы вошли в подъезд, и я услышала голоса, доносившиеся со второго этажа. Один был мужским, другой женским, судя по всему, кто-то из ментов опрашивал соседей. Мы поднялись по лестнице, и я увидела даму лет пятидесяти в компании молоденького милиционера.

– Я не имею привычки наблюдать за соседями, – сурово выговаривала ему дама.

Дверь напротив была открыта, оттуда тоже доносились голоса. Артем посторонился, пропуская меня вперед, я вошла, ожидая увидеть Валерку. Так уж выходило, что мы непременно встречались возле трупя. Но сегодня традиция была

нарушена, оказалось, Валера уже уехал. Упитанный мужчина с усами повернулся и, увидев меня, вздохнул.

– Ольга Сергеевна, рад вас видеть, – сказал он, а я подумала, что радоваться тут особо нечему.

Тут из комнаты появился Новиков, поздоровался с Артемом за руку, кивнул мне.

– Луганская Светлана Геннадьевна, убита сегодня около десяти часов. Соседка обратила внимание, что дверь в квартиру приоткрыта. Позвонила, никто не ответил, тогда она вызвала милицию. Прибывшая бригада обнаружила в спальне труп. Ваша визитка лежала рядом с телефоном на прикроватной тумбочке. Я подумал, что вы... что вам, возможно, знакома эта женщина. В любом случае я обязан задать вам несколько вопросов.

Говорил он так, точно извинялся. Вешняков кивнул, и я тоже, после чего вслед за мужчинами вошла в спальню, большую комнату с одним окном. Легкие шторы, дорогой ковер возле камина, камин из белого мрамора, очень удачная имитация настоящего. Ложе, язык не поворачивался назвать его кроватью, с шелковым бельем, все очень стильно и красиво. Вид этот портил труп. Женщина свесилась с постели, длинные волосы касались пола, нижняя часть тела прикрыта простыней. Лица не видно, затылок разворочен выстрелом в упор, на полу лужа крови, пальцы правой руки тоже в крови.

– Черт, – сказал Артем. Трупы он, как и я, не выносил.

– Убита двумя выстрелами. Первый – в грудь, второй – в

затылок. Похоже на работу профессионала.

– Похоже, – пробормотал Артем.

Я перевела взгляд на портрет, висящий над камином. Портрет был довольно посредственным. Наверняка кто-то из местных художников, любителей работать по фотографии за очень скромные деньги. Блондинка в полный рост рядом с вазоном с цветами, кажется, незабудками, сразу и не разберешь. Портретом это назвать трудно, но сходство с оригиналом было. И платье то самое, в котором я видела ее на приеме.

Я смотрела на портрет и с тоской думала: судьба вновь преподносит мне сюрприз. Дамочка что-то болтала о собственном убийстве, и вот она лежит с пулями в груди и затылке.

– Ты ее знаешь? – понаблюдав за мной, спросил Артем.

– Виделись вчера на приеме.

– И ты ей дала свою визитку?

– Нет. Не знаю, откуда у нее моя визитка, но дело не в этом. Девушка сказала, что пришла на прием, чтобы встретиться со мной.

– Что она хотела? – проявил интерес Артем.

– Чтобы я нашла ее убийцу.

Мой подробный рассказ занял минут двадцать. Артем хмурился, а Новиков смотрел с недоумением. В самом деле история какая-то дурацкая.

– В любом случае стоит поговорить с ее любовником, – закончила я. – Кто-нибудь из соседей видел здесь мужчину?

– Соседи утверждают, что жила она одиноко. Послушать их, так к ней вообще никто не ходил. Да и она сама нечасто здесь появлялась. По крайней мере, свет в окошках по вечерам горел редко.

– Очень интересно, – вздохнул Артем. – Значит, есть еще квартира. Ее или любовника, где они встречались.

– Ага. Но это не все. Вот, взгляните.

Новиков приблизился к труп, приподнял правую руку и отвел в сторону, на паркетном полу кровью были выведены какие-то значки.

– Что это? – присев на корточки, удивился Артем.

– Девушка пыталась что-то написать.

– С пуль в затылке? – влезла я.

– Сначала он выстрелил в грудь, она была еще жива и попыталась что-то написать, и тогда он выстрелил ей в затылок.

– А надпись оставил? – усомнился Артем.

Мы присматривались к значкам, похожим на иероглифы.

– Вроде буква «н», – кивнула я на первый значок.

– А это что? Вроде «п», – в свою очередь, высказал предположение Вешняков.

– Я на всякий случай перевел их на бумагу, – сообщил Новиков, кивнув на тумбочку. – Тут все фотографировали. И эту надпись тоже.

– «Нп», – нахмурился Артем. – Я, конечно, не знаток рус-

ского языка, но, по-моему, такого слова просто не существует.

– На «н» это все-таки мало похоже, – вслух подумала я, – но с остальными буквами вообще никакого сходства, значит, все-таки «н». А вот это может быть не «п», а «и», к примеру. Почему нет?

– Допустим. «Ни» – что это такое?

– Имя, конечно, – удивился Новиков. – Или фамилия убийцы. То есть она пыталась его написать, но не успела, он ее застрелил.

– По-твоему, это выглядело так: некто является сюда, стреляет девушке в грудь и наблюдает, как она пытается что-то написать.

– Необязательно, – вздохнул Новиков. – Он стреляет, а потом, к примеру, что-то здесь ищет. Видит, что девушка еще жива, подходит и стреляет в затылок.

– Причем эти каракули ничего общего с его именем не имеют, – добавил Вешняков. – Иначе он бы их не оставил. О чем собиралась нам сообщить убитая, можно лишь догадываться.

– Надо как можно скорее узнать, кто был ее любовником, – напомнила я. – Она подозревала его в том, что он собирается ее убить. А еще говорила о готовящемся преступлении, с ее точки зрения, он использовал ее как орудие.

Мужчины переглянулись.

– Ничего особенного пока не произошло. По крайней ме-

ре, ни громких убийств, ни крупных ограблений.

– Значит, он решил подстраховаться и избавиться от нее раньше.

– Интересное кино, – протянул Артем.

– Вот именно, кино, – поддакнула я. – Все это по-киношному глупо: таинственный любовник, наш дурацкий разговор... Одно скверно: девушку убили. А это значит, что не все в ее рассказе выдумка.

– Да, с таким доказательством не поспоришь, – кивнул Новиков на труп.

Я садилась в машину, когда позвонил Дед. Убийство произвело на меня впечатление, в результате я потеряла бдительность и ответила на звонок.

– Где ты? – сурово поинтересовался мой старший товарищ.

– Неподалеку от центрального универмага, – миролюбиво сообщила я и в ответ услышала:

– И что тебе там понадобилось в такое время?

– Труп, – вздохнула я.

– Это ты так шутишь? – возвысил он голос, хотя должен был знать, что шутить так мне не придет в голову.

– Убили девушку. Ту самую, с которой я познакомилась на приеме.

– Кто убил, за что?

Только Дед способен задать такой вопрос. Я бы с удоволь-

ствием послала его к черту, но вместо этого терпеливо ответила:

– Не знаю, но хотела бы знать.

– То есть ты, по обыкновению, собираешься ввязаться в расследование? Если тебя так занимают трупы, иди работать в милицию. У них что ни день, то труп.

Стало ясно, Дед не забыл недавнюю встречу с Тагаевым и сейчас вымещал на мне свое дурное расположение духа, а тут уж все равно, к чему придраться.

– Девушка меня заинтересовала. К тому же она говорила о готовящемся преступлении...

– Короче, твоему Вешнякову работать лень, и он, как всегда...

– Вешняков-то здесь при чем? – обиделась я за друга. – Это даже не его дело...

– В конце концов, не худо бы тебе вернуться к своим обязанностям! – рявкнул Дед и отключился.

Я поехала домой. Мысли мои в тот момент никакого отношения к разговору с Дедом не имели. Я размышляла о девушке, ее словах и надписи, которую она успела сделать своей кровью. По большому счету Дед прав, это не мое дело. Есть Новиков, вот пусть он и разбирается, кто убил и за что, но мысли мои вновь и вновь возвращались к ее словам на приеме. Становилось ясно: отмахнуться от этого дела я не смогу.

Часов в десять утра позвонил Вешняков. Как обычно, в

это время я взирала на мир без всякого оптимизма. Каждое новое утро дается мне с трудом, и лишь близость Сашки при-миряет с существованием. Мы как раз возвратились с прогулки, я смотрела в окно, пила кофе и пыталась решить насущный вопрос: зачем мы приходим в этот мир? Занятие, как известно, глупое и бесперспективное. В общем, Артем выбрал не самое лучшее время.

– Хочешь новость? – бодро осведомился он.

– Не хочу, – ответила я.

– А что так? – удивился Вешняков.

– Сроду у тебя хороших новостей не было.

– А вот и есть, представлен к очередному званию. Слышь, Ольга, подполковника дают. Думал, и не доживу, а смотри, как повернулось.

– Наконец-то, – вздохнула я. – Заколебал своим нытьем.

– Отметить бы надо, а то погоны носиться не будут.

– Ты сначала получи, чего носить, а потом обмоем.

– До чего же у тебя характер скверный, – заныл он. – Если настроение дохлое, то непременно всем в округе его испортишь.

– А ты зачем звонишь в такое время, если знаешь, что нарвешься?

– Взглянул я тут на одну бумажку... Вскрытие уже произвели, и вот какая штука вырисовывается. Первый выстрел был в сердце, после него девушка скончалась сразу же. Потом контрольный, в затылок. Соображаешь?

– Девушка ничего написать не могла. Я поняла тебя правильно?

– Абсолютно. Дядя, а может, и тетя, что тоже случается, выстрелил, потом зачем-то переложил труп, обмакнул ее пальцы в кровь и что-то накорябал на паркете, после чего выстрелил вторично. Совершенно излишняя предосторожность. Кто-то с нами шутки шутит.

– По-твоему, он псих? И эти каракули ничего не значат?

– Может, это что-то вроде визитной карточки. Откуда мне знать, что в голове у психа? Одно могу сказать сразу: дело обещает быть непростым. Уж слишком много всего здесь наверчено.

– Что говорят соседи?

– Говорят то же, что и вчера: жила тихо, гости, может, и были, но никого конкретного никто указать не мог. Родни тоже никакой. По крайней мере, никто не объявился. Пока о девушке сведения самые общие, но к обеду что-нибудь нароем. Я как непосредственный начальник контролирую процесс. – Тут он радостно фыркнул и добавил: – Уж лучше сразу под моим чутким руководством, чем ждать, когда ты дров наломаешь.

– С какой стати? – удивилась я.

– Хочешь сказать, что в сторонке пешком постоишь? Так я тебе и поверю. Кстати, в ящике стола нашли комплект ключей, ни к чему в ее квартире не подходящих. Уверен, у девушки была еще квартира. Там она, скорее всего, со своим

дружком и встречалась.

Артем простился со мной, а я, скоренько собравшись, отправилась в редакцию газеты «Метроном». Если верить охране, Светлана пришла на прием в сопровождении хозяина этого издания. Не худо бы поговорить с ним. Человек он малопрятный, и это мягко сказано. Думая о предстоящем разговоре, я морщилась, однако очень сомневалась, что хозяин «Метронома» и есть тот самый любовник. Прежде всего, нас с ним ничто не связывало, так что выражение «отомстить за меня и за себя» теряло смысл. Правда, несколько раз в этой газетенке выходили пасквильные статьи на мой счет, мол, пью я и даже дебоширю по пьяному делу, в друзьях у меня сплошь шпана и разбойники... Но кто ж на такие глупости обращает внимание? Опять же Яхонтов, с моей точки зрения, был труслив, мелок и ничтожен, так что вряд ли способен возбудить в Светлане высокие чувства, граничившие с самопожертвованием. Хотя кто знает...

В редакции царило подозрительное безмолвие. Размещалась она в бывшем общежитии, недалеко от телевышки. Массивная дверь, обитая рейкой, вела из общего холла в длинный коридор. Стрелка, намалеванная на стене, указывала направление.

На дверях таблички, за дверями – тишина. Я начала сомневаться, найду ли я здесь разумную жизнь, но тут дверь слева распахнулась, и я увидела молодого человека приятной внешности в толстом свитере и куртке. Он намеревался

пройти мимо, но, взглянув на меня, замер, после чего нерешительно улыбнулся. Может, кому-то и нравится, что на них реагируют подобным образом, но точно не мне. Чтобы не принимать сие близко к сердцу, я решила, что парень просто остолбенел от моей красоты.

– Здравствуйте, – сказал он. – Вам помочь?

– Не худо бы. Мне нужен Яхонтов.

– Прямо по коридору. А зачем он вам? – Парень широко улыбнулся, отбив у меня охоту сказать ему гадость.

– А вы как думаете?

– Если решили съездить ему по фейсу, так я хотел бы присутствовать.

– А есть за что?

– Ну... он про вас гадости пишет. То есть не он пишет...

– А вы? – подсказала я.

– Нет, что вы, – смутился парень, я сделала ему ручкой и направилась по коридору к двери с табличкой «Яхонтов В.П.».

Вспомнив о вежливости, я постучала и толкнула дверь. В просторной комнате немолодая женщина сидела за компьютером. Она подняла голову и, безусловно, узнала меня, в ее лице наметилось беспокойство, должно быть, как и парень, она решила, что я пришла бить морду хозяину. Откуда у людей такие фантазии?

– Вы... – начала она, поднимаясь.

– Я к господину Яхонтову, – с милой улыбкой сообщила я.

– Одну минуту. – Дама кинулась к двери справа и ненадолго исчезла за ней. – Прошу вас, – сказала она, появляясь вновь.

Я вошла и смогла лицезреть Вольдемара Петровича, который при моем появлении поднялся из-за стола и пошел мне навстречу.

– Рад, рад вас видеть, уважаемая Ольга Сергеевна, – сладко пропел он и даже к ручке приложился.

Я улыбнулась, давая понять, что оценила его старания.

Яхонтов был коротышкой, с огромным брюхом и более всего походил на пивную бочку. Костюмы он презирал, ходил в потертых джинсах, толстовках и ботинках на высоких каблуках, носил бороду, пышные усы а-ля Николай II, серьгу в ухе и волосы, собранные в жидкий хвост. В комплексе все это выглядело на редкость по-дурацки. Лоб сократовский, лысина впечатляющая, глазки маленькие и злые. При одном взгляде на него сразу вспоминались слова «дрянь-человек». Примерно так оно и было.

– Присаживайтесь, – продолжил он ласково.

Я села на предложенный стул и порадовала его:

– Меня привело к вам крайне неприятное дело.

– Только не говорите, что мы чем-то досадили нашему уважаемому господину Кондратьеву.

– Господин Кондратьев такую дрянь, как ваша газета, не читает. – Я-то думала, Яхонтов обиделся, но не тут-то было, он захихикал, сложил ручки на брюхе и уставился на меня

с улыбкой, точно он добрый дядюшка, а я несмышленое дитя. – Вчера была убита Луганская Светлана Геннадьевна, – продолжила я. Улыбка все еще блуждала на его губах, но в глазах появилось беспокойство.

– И вы по этому поводу пришли ко мне? – попытался выразить он удивление. – Конечно, наша газета освещает... А что, убийство в чем-то необычное? Или милиции необходима помощь?

– Вы были позавчера на приеме с госпожой Луганской. Не знаю, как насчет помощи, но этот факт милицию заинтересует.

– Подождите, с чего вы, собственно, взяли...

– Пригласительный билет на двоих, и вы прошли по одному билету, – перебила его я, утверждать последнее я не могла, раз Ритка сказала «вроде бы», но, судя по реакции Яхонтова, стало ясно: охрана не ошиблась. Он начал с беспокойством поглядывать на меня и заметно ерзать.

– Хороший повод разделаться со мной, – пробормотал он, косясь исподлобья. – Я знаю, что кое-кому здесь неуютен...

– Да бросьте вы, Вольдемар Петрович, – отмахнулась я, – газетенка ваша паршивая, и вас самого всерьез никто не принимает, так что не диссидентствуйте понапрасну. Лучше расскажите о Светлане. Все, что вам известно.

– Да ничего мне о ней не известно, – возмутился он. – Я ее знать не знаю, то есть я с ней едва знаком.

Вот еще одна характерная черта нашего города. Яхонтов

прекрасно осведомлен, что никакого права задавать ему подобные вопросы я не имею, но он также знает, что я доверенное лицо Деда, а тому на чужие права наплевать. На вверенной ему территории все играют по его правилам, а если кто-то взбрыкнет, тому лучше пойти и утопиться, чтоб не мучиться. Перед ментами Яхонтов еще бы повыеживался, потому как он у нас хозяин независимой газеты, демократ и правдолюбец, но передо мной не рискнет. Отправляясь сюда, я в этом не сомневалась и оказалась права.

– Давайте поподробнее, когда познакомились, кто познакомил...

– Ольга Сергеевна, вам, должно быть, известно, что я человек свободный.

– Я знаю, что вы бабник, если вы это имеете в виду, но каким бы бабником вы ни были, все же должны помнить, когда познакомились со Светланой и при каких обстоятельствах.

– Ну, хорошо. Нас познакомила моя подружка, примерно месяц назад. Мы должны были встретиться, я позвонил, она просила заехать за ней в кафе, где она с приятельницей пила кофе, я приехал, и она познакомила меня с Луганской... со Светланой...

– И что дальше?

– Да ничего.

– Как ничего, если на приеме она была вместе с вами?

– Когда мне передали пригласительный, я рассказал об этом своей подружке.

– Имя у нее есть?

– Ольга Сергеевна... – Он помялся, но сказал: – Иванова Нина Юрьевна, работает в нашей бухгалтерии. Она хотела пойти со мной, даже побежала платье покупать. Лично я всегда готов доставить женщине радость... И вдруг, когда я приехал за ней, Нина заявляет, что не поедет со мной, и просит взять ее подругу. Я сказал, что она спятила, но Нина так упрашивала. В общем, я согласился и поехал с этой девицей. Совершенно нелепая ситуация.

– Она как-то объяснила все это?

– Светлана уверяла, что всю жизнь мечтала побывать на таком приеме. Признаться, это объяснение не показалось мне особенно серьезным. Я даже подумал, может, шустрая девица решила поближе познакомиться со мной. Но потом выяснилось, что она надеялась встретить там своего любовника. Он, скорее всего, дал ей отставку, возможно, избегал с ней встреч, и она придумала весьма романтический способ...

– Про любовника она вам сказала? – как можно спокойнее поинтересовалась я.

– Помилуйте, зачем мне ее слова? Как только Тагаев вошел...

– Вы хотите сказать, что Тагаев ее любовник?

Тут он вдруг испугался, причем по-настоящему.

– Но... Она пожирала его взглядом и, как только он остался один, бросилась к нему со всех ног. Послушайте, я не го-

ворю, что он ее любовник, – разволновался Яхонтов, – вовсе нет. Я не имею привычки наговаривать на людей. Но то, что он был ей интересен... кстати, она и о вас меня выспрашивала. Битых два часа задавала вопросы.

Все-таки Вольдемар Петрович редкий болтун, за душой у него ничего не держалось, он выбалтывал о себе сведения с такой же страстью, с какой выдумывал чепуху в своей газете.

– На приеме? – невинно поинтересовалась я.

– Нет, конечно. Как только мы пришли, она попыталась от меня избавиться. Потом мне стало понятно почему, но в тот момент было даже обидно.

– Так она спрашивала обо мне до приема?

– Конечно. Еще за неделю до него.

– А при каких обстоятельствах?

Вот тут он наконец собрался, что сболтнул то, о чем рассказывать не собирался.

– Ну... сейчас уже не вспомню. Кажется, я подвозил ее вместе с Ниной. Возможно, в тот момент...

– Вольдемар Петрович, – вкрадчиво сказала я, – вы представляетесь мне умным человеком. – Он покраснел, вряд ли поверив, и решил, что я издеваюсь. Кстати, правильно не поверил, хотя я не издевалась, я льстила. – Вы говорите, что видели Светлану второй раз в жизни...

– Ну хорошо, хорошо... Допустим, не второй. Допустим даже, что я решил за ней приударить и пару раз назначал ей свидание.

– И она ответила вам взаимностью?

– Ничего подобного. Что неудивительно. Когда я увидел ее с Тагаевым... на приеме, – поспешно добавил он, но меня не убедил. Я улыбнулась, он вздохнул, закатил глазки и попытался отвертеться. Но я пустила в ход тяжелую артиллерию.

– Вольдемар Петрович, вы мелкий пакостник... не надо морщиться, так оно и есть. Вы мелкий пакостник, но играли по правилам, до сегодняшнего дня по крайней мере. Поэтому на ваши пакости мы закрывали глаза. В конце концов, люди любят сплетни, где ж их узнать, как не из вашей газеты. Начнете хитрить, – сурово закончила я, – и я ваш поганый листок в три счета прихлопну. Вам об этом хорошо известно.

– Я и не думал ссориться с вами, – удивился он. – Да у меня и в мыслях не было. Хорошо. Я видел ее с Тагаевым раньше. Неделю назад. В кафе «Аладдин». Зашел во время ленча, а она там с этим типом. Ольга Сергеевна, предупреждаю сразу, я вам все по-дружески, как своему человеку. Никаких официальных показаний я давать не буду. Вы должны меня понять. Тагаев... впрочем, вы его лучше знаете, – не удержался он и даже подмигнул. Очень хотелось дать ему по башке чернильницей. Чернильница впечатляла, огромная, в одну восьмую стола, малахитовая и наверняка очень тяжелая. Но иногда полезно подавлять естественные желания, что я и сделала.

– Значит, вы видели Светлану с господином Тагаевым, а

когда на приеме она подошла к нему...

– Она пожирала его взглядом. Поэтому вполне естественно сделать вывод: она пришла, чтобы встретиться с ним.

– Но ведь всего за неделю до этого они встречались, и ей не потребовалось для этого доставать приглашение на прием.

– Если вы желаете убедить меня в том, что я ошибся, ради бога. Я ошибся. Она на него даже не смотрела.

– Я желаю узнать, какие события предшествовали ее убийству. Только и всего.

– А почему, собственно, вас так волнует это убийство?

– Есть обстоятельства, которые заставляют меня относиться к данному делу с личной заинтересованностью. Такая формулировка вас устроит?

– Если хотите знать мое мнение, когда девушка связывается с типом вроде Тагаева, неприятности неизбежны.

– Вы думаете, это он ее убил? – перешла я на шепот.

– Нет. Конечно, нет. С какой стати?

Бедняга так перепугался, что мне стало его жаль. Я поднялась, раскланялась и покинула кабинет. Яхонтов семенил рядом и все норовил заглянуть в глаза. Возле двери мы наконец простились.

Коридор был все так же пуст. Дверь с табличкой «Бухгалтерия» я нашла без труда. Три дамы с унылым видом взирали на меня, прихлебывая чай.

– Нина Юрьевна... – начала я, прикидывая, кто из трех

толстущек солидного возраста могла быть подружкой Яхонтова. Свой выбор я так и не сделала.

Дама с пышной прической сообщила:

– Она на больничном. Раньше понедельника не выйдет.

Установить местожительство Нины Юрьевны было легче легкого, для меня я имею в виду. Я позвонила Ларионову, начальнику охраны Деда, и, пока шла к машине, он перезвонил мне и сообщил адрес.

С Ларионовым мы терпеть друг друга не могли, но с некоторых пор он отчаянно пытался дружить со мной, не находя, впрочем, в моей душе ответного отклика, но иногда грех не воспользоваться чужой старательностью.

Я поехала к Нине, очень рассчитывая застать ее дома. Они дружили со Светой, а женщинам свойственно делиться с подругами своими переживаниями, во всяком случае, о своей любви она рассказать была просто обязана.

Дверь мне открыла девица лет двадцати шести с огненно-рыжими волосами, ростом не меньше метра восьмидесяти. Яхонтов вряд ли мог дотянуться ей до подбородка. Однако в отличие от большинства длинноногих див эта была дородной и в бедрах тянула тоже на метр с гаком, а бюст вообще не поддавался исчислению. Не знаю, как Яхонтову, а мне она нравилась, смешливая и не дура.

– Здравствуйте, – сказала она, не дав мне рта раскрыть. – Проходите. Не разувайтесь, я сегодня буду убираться. Вас Ольгой зовут? А меня Нина. Вот сюда, пожалуйста. Мне По-

кемон звонил, переживает. Бойтся, как бы я лишнего не наболтала.

– Покемон – это Яхонтов? – устраиваясь в кресле, спросила я.

– Ага. Его так Лешка прозвал, Лисицын, ну а с его легкой руки и все остальные звать стали. – Девушка устроилась на диване и, посерьезнев, спросила: – Светлану убили? Неужто правда?

– Правда, – кивнула я.

– Ужас какой. И деньги украли?

– Расскажите про деньги, – попросила я, чувствуя, что явилась не зря.

– Она же машину продала, «Ниссан Патрол». За тридцать штук. От мужа остался. Она на нем не ездила, у нее «Опель», а «Ниссан» ей не нравился, больно здоровый. Вот и продала.

– Когда?

– Мне сказала перед тем, как на прием идти. Она мне деньги предлагала, две тысячи баксов.

– За что? – не поняла я.

– За пригласительный. Очень ей на прием хотелось попасть. Вот и говорит: «Можно я вместо тебя пойду?» Мне тоже пойти хотелось, я так и сказала, а она: «Хочешь тысячу баксов иди две, хочешь?» Ну, я сообразила, что у нее крыша едет, иди, говорю. И Покемона упростила.

– Какие у вас с ним отношения? – спросила я, чтобы ненароком, назвав его любовником, не обидеть девушку. Опасе-

ния оказались не напрасными.

– Какие отношения? – фыркнула Нина. – Он вам небось набрехал, что спит со мной? Вот урод. Ничего подобного. Я его и близко не подпускаю.

– Он слывет ловеласом, – улыбнулась я.

– Может быть. Есть еще дуры на свете. Только он врет по большей части. Вот хоть меня возьмите. Я полгода в газете, тетки у нас в бухгалтерии в возрасте, к девчонкам из тех, что корреспондентки и прочие, он уже подкатывал, ну и сразу возле меня отираться стал. Мне с ним ругаться не резон, но и к телу не допускаю. Потерплю, куда можно. Либо ему надоест и отстанет, либо мне надоест, и я уйду. Конечно, он перья распушил, по ушам мне ездит, какой он необыкновенный, а уж с этим пригласительным раз двадцать сказал, что власть его уважает. А я точно знаю, что приглашение он у бывшей жены выпросил, она в администрации работает.

– Вы давно знаете Светлану? – вернулась я к насущному.

– Нет, месяц, не больше. Мы в парикмахерской познакомились, сидели, время выжидали, волосы красили, ну и разговорились. Про ногти. Она на ногти жаловалась, ломаются, а мои ей очень понравились. – Она с гордостью кивнула на свои руки. – Накладные. Правда, шик? Вот и Свете понравились. Я и сказала, что могу ее со своим мастером свести. Договорились, она меня в кафе пригласила, пообщались. Девка вроде неплохая, муж помер, понятное дело, тяжело человеку. Ну, я против того, чтоб встретиться и поболтать, не

возражала. Но встречались редко, работа, то да се... Потом она Покемона увидела и очень заинтересовалась газетой, то есть она еще раньше интересовалась, когда я сказала, где работаю. «Ах как это, наверное, интересно!» – и все такое. А чего уж больно интересного? Особенно в бухгалтерии? Но Покемон рад стараться, соловьем поет, ей вроде в радость, и мне хорошо: за коленки не хватает. Начал он ее обхаживать, а я не против и даже наоборот. Мне его внимание, как черту молитва. Только очень я сомневалась, что у него что-то выгорит. Светка девка видная, при деньгах и далеко не дура, а Покемон пустобрех, и в карманах пусто. А чтоб безвозмездно любить такое чучело, надо очень в журналистику втюриться. Ну а потом Света ко мне пришла, я как раз на прием собиралась, платье купила, чтоб хуже других не быть. Когда я ей про прием рассказала, она задумалась, а потом и говорит: «Можно я вместо тебя пойду». Деньги предлагала, это я уже рассказывала. Ну вот... я поняла, что очень это для нее важно, и согласилась. Только не подумайте, что из-за денег. А она мне кольцо подарила, сняла с пальца. Я брать не хотела, а она: «Ты хороший человек, Нина, и мне помогла, возьми, не обижай». И на столе оставила. Чего теперь с ним делать? В милицию нести?

– Я думаю, вы вполне можете носить его в память о Светлане, – пожала я плечами. – Про своих друзей она вам рассказывала?

– Нет. Она, знаете ли, особо о себе не распространялась,

сказала только, что муж умер. Они в Москве жили, а после его смерти она сюда приехала. Вроде бы у нее тут какие-то родственники. Я еще удивилась, не больно-то из Москвы к нам едут. И квартира у нее не сказать, чтобы супер, я была один раз, хотя вроде муж оставил деньги. Я так про себя решила: муж не умер, уколошили его, и она из столицы от греха подальше... Теперь вот сама. Ужас какой-то.

– Вы какую квартиру имеете в виду? – спросила я на всякий случай, памятуя, что могла быть и еще одна квартира.

– На Ямской... Точный адрес не помню, – растерялась Нина.

Задав еще несколько вопросов, я простилась с девушкой. Светлана интересовалась мной и приложила немалые старания, чтобы попасть на прием. Моего телефонного номера в справочнике нет, встретиться со мной казалось Светлане делом непростым, вот она и воспользовалась чужим приглашением. Она встретилась со мной, а также с Тагаевым. Смотрела она на него с жадностью или нет, мне неизвестно, но разговаривала точно, и, судя по всему, знакомы они не первый день, раз говорили на «ты» и он ее даже от чего-то предостерегал.

Несмотря на слова Яхонтова, не очень-то я верила, что Тагаев тот самый любовник. Что за преступление он задумал? К женщинам у него отношение специфическое, и признаваться в любви вовсе не в его правилах, хотя здесь наверняка не скажешь. Мне, к примеру, признался. Насчет Тага-

ева я никогда не обольщалась, человек он непростой, и его связи с криминалом общеизвестны, но думать, что он хладнокровно застрелил женщину, с которой спал, упорно не хотелось. Я набрала номер Вешнякова.

– Артем, Луганская недавно продала «Ниссан» за тридцать тысяч баксов.

– Никаких денег в доме не было. Хотя она могла положить их в банк. Загляни ко мне, тут на нее кое-что получили.

Артем сидел у себя в кабинете и представлял себя подполковником. По крайней мере, на лице довольство, и, по обыкновению, не начал ныть, лишь только я перешагнула порог, что вот, мол, очередной висяк подсватала, и все такое. Бодро улыбнулся и сделала комплимент, чего я вовсе от него не ожидала.

– Хорошо выглядишь. – Я с подозрением присмотрелась к нему. – Ну чего ты, – обиделся Артем. – Правда хорошо выглядишь. Я бы даже сказал – отменно. Ты вообще на себя в зеркало смотришь?

– Ага, – кивнула я, устраиваясь напротив.

– И что видишь?

– Себя, естественно. Слава богу, пока не глючит. Вот как только тебя увижу...

– Между прочим, ты красивая молодая женщина. Это каждый скажет.

– И дальше что? Предложишь мне руку и сердце? – скри-

вилась я.

– И предложил бы, – начал вредничать Артем, – несмотря на кое-какие недостатки характера. Я сказал, кое-какие... незначительные, – поспешно добавил он. – Но я уже женат. Мне вот интересно: неужто нет в нашем городе мужика, за которого стоило бы выйти замуж?

– Есть. Целых два. Но оба женаты.

– Второй Лялин, что ли? – хмыкнул Артем и тут же запыл: – Хватает же совести так нахально врать. Не пошла бы ты ни за меня, ни за Лялина. Только бы языком молотить, а я, между прочим, говорю серьезно. Девушке положено выходить замуж, и я как друг обеспокоен твоей неустроенностью. Ну, не хочешь замуж, хоть работать начни. Иди к нам, у нас работы невпроворот, а у Деда ты только...

– Работают за деньги, – невежливо перебила я. – А зачем мне деньги? У меня нет фантазии.

– Вот-вот. И в этом я вижу величайшую несправедливость. К примеру, я бы...

– У тебя тоже фантазии нет, – опять перебила я.

Вешняков моргнул и обиженно спросил:

– Почему это? Есть.

– Допустим, ты сегодня получишь полмиллиона баксов. И что?

– Нашелся бы дурак дать мне эти бабки... – разулыбался Артем. – Я бы тачку купил. Надежную. Чтоб не ломалась.

– Все тачки ломаются. А потом?

– Ну... квартиру поменял, хрущоба, она и есть хрущоба.

– Давай, давай, у тебя еще триста тысяч.

– Ну... я бы их жене отдал, вот уж моя-то быстренько их по ветру пустила...

– Ну и где твоя фантазия? – съязвила я.

– Верно умные люди говорят: деньги не главное, – дурашливо пропел Артем и перекинул мне папку. – Вернемся к насущному, раз подполковника пока еще не дали. Значит, так. Луганская Светлана Геннадьевна, в девичестве Мокоеева, родилась в Воронеже, десять лет назад приехала к нам, поступила в экономический колледж, где проучилась один семестр. Работала официанткой в ресторане «Пингвин», была такая забегаловка, если помнишь, вся шпана западного района там собиралась. Дважды Луганскую задерживала милиция: первый раз по подозрению в сбыте наркотиков, второй по подозрению в занятии проституцией. Оба раза отпустили за невозможностью сие доказать. Новиков с мужиками поговорил, с теми, кто раньше в том районе работал, они ее не помнят. «Пингвин» сгорел семь лет назад, и где теперь тамошний народец – остается лишь гадать. Напоминаю, что сгорел кабак не просто так, а в результате бандитских разборок. Луганская лишилась работы и уехала в Москву. Чем она там занималась – неведомо, но пять лет назад вышла замуж. Всем бы девкам так везло. Пожилой человек с деньгами и положением, депутат и бизнесмен. И главное, пожил совсем чуть-чуть, через три года она уже вдова.

– Может, она мужа любила?

– Может. Я что, спорю. Похоронив мужа, жила уединенно.

Восемь месяцев назад вдруг переехала в наш город.

– Муж сам помер или помог кто?

– Рак легких.

– Вторую квартиру Луганской нашли? – спросила я.

– Пока нет. Может, не ее квартира, может, любовник ей ключи оставил.

– Про любовника тоже ничего не узнали? – нахмурилась я.

Вешняков развел руками:

– Девушка жила на редкость уединенно, нигде не работала.

– Что она вообще делала в нашем городе?

– В этом вся штука. Приезжает из Москвы дамочка, богатая наследница, живет, как мышь, тихо и незаметно, затем является на прием и рассказывает тебе о любовнике, который собирается ее замочить, предварительно совершив преступление. И вскоре ее действительно убивают. На что это похоже?

– На американский триллер.

– Я думаю, надо в Москве пошукать. Оттуда ноги растут.

– Хочешь сказать, она сюда от неприятностей сбежала, но они ее и здесь нашли?

– Очень может быть, что преступление, о котором она говорила, уже произошло, только не у нас, а в столице.

– А чего там в столице? – забеспокоилась я.

– Мне-то откуда знать? Должно быть, хлопнули кого-то.

– Позвони в налоговую, я уверена, у нее была еще одна квартира.

– Поучи, – возмутился Вешняков. – Если была, так найдем. Пива хочешь?

– А у тебя есть?

– Нет, но за углом есть бар. Предлагаю продолжить гадание на кофейной гуще в соответствующей обстановке.

Я согласно кивнула, потому что не могла придумать, чем себя занять.

Двигая к бару, я вспомнила про Лялина, если пить, то на троих, как положено. Вешняков идею поддержал, правда, усомнился, что в такое время Лялина удастся выманить из офиса. И оказался не прав. Лялин к идее отнесся настороженно, подозревая, что мы в очередной раз собираемся втравить его в историю, но обещал появиться через полчаса.

Не успели мы устроиться с Артемом за столом и сделать заказ (народу было много, и пришлось ждать), как появился наш старший товарищ. Лялин шел по проходу, лучезарно улыбаясь, куртка нараспашку, под мышкой пакет, в котором оказалась вобла. Нашему счастью не было границ. Мы выпили пива, съели рыбку, сказали доброе о российском футболе (мне-то сказать было нечего, и я по большей части мычала), плавно перешли на здоровье Деда и предстоящую предвыборную кампанию, после чего начали поглядывать на часы. Пора было расходиться. И тут Лялин не выдержал.

– Ну и что? – спросил он с недовольством. – Так и будете

резину тянуть. Зачем звали?

На наших лицах наметилось страдание.

– Ты слышала? – скорбно спросил Вешняков.

– Слышала, – вздохнула я. – Во что превратился человек в своей охранной фирме. Люди к нему по-дружески...

– Вы такие друзья, от которых только и жди пакостей. Если опять вместе шляется, значит, имеется труп. Угадал?

– Ну... – дружно вздохнули мы.

– А если так, – продолжил Лялин, – значит, что-то вам от меня надо.

Мы отчаянно замотали головами, после чего я спросила:

– У тебя есть связи в Москве?

– Ты же знаешь, что есть. И что?

– Надо бы справки навести об одной дамочке.

– Дамочка в морге?

– Ага.

– Понятно, – хмыкнул Лялин. – Излагайте. – Первым делом я рассказала ему о своей встрече со Светланой. Лялин только покачал головой. – Вечно тебе больше всех надо... А ты чего лезешь? – повернулся он к Артему. – Это дело Новикова, пусть ищет убийцу. Горбатого могила исправит, – закончил он, имея в виду наше неумное стремление докопаться до истины.

– Официальный запрос в Москву мы послали, – кашлянув, подал голос Вешняков. – Но сам понимаешь...

– А что там с надписью на паркете? – спросил Олег. Хоть

он и любил призывать нас к тому, чтоб не совали нос, куда не просят, но сам по части докопаться до сути был ничуть не лучше.

– Похоже, кто-то с нами игру затеял. Девушка ничего написать не могла, но убийце понадобилось оставить автограф ее рукой. – Артем выложил на стол фотографию с запечатленными на ней кровавыми каракулями.

– Мы думаем, это инициалы, – влезла я. – Вроде первая буква «н», но, если честно, это ни на что не похоже.

– Может, какой-то символ? – выдвинул идею Артем. – Или иероглиф.

Лялин разглядывал фотографию и морщил лоб.

– А ничего попроще вам в голову не приходило? – Мы переглянулись и уставились на него. – Вот это, – ткнул он пальцем в первый значок, – может быть цифрой два. Может?

– Ну...

– А это шестерка. Обе цифры написаны небрежно и без отрыва, к тому же окровавленным пальцем на паркете.

– Двадцать шесть, – уставившись на фотографию, сказал Артем. – А вовсе не «п» и не «и», как мы думали, а это одиннадцатый. Точно? Что у нас получилось? 2611. Код?

– Или дата, – вздохнула я. – Двадцать шестое число одиннадцатого месяца, то есть двадцать шестое ноября.

– Дата предполагаемого преступления? А сегодня какое? Времени совсем ничего...

– Стоп, – перебил Лялин. – Вы говорите, что девушка не

могла оставить эту надпись, ее оставил убийца. Спрашивается, зачем?

– Убийца предупреждает о готовящемся преступлении? – вздохнула я. – Бред.

– Правильно. Но он это сделал, значит, что-то имел в виду. Убийца рассчитывал на ваши ответные действия. Какие?

Разумеется, ни до чего путного мы в тот раз так и не додумались. Ясно, что надпись оставили неспроста, если, конечно, убийца не был психом, которому в радость пудрить людям мозги. Конечно, это могла быть не дата, а в самом деле код, номер счета, да бог еще знает что это могло быть. Неизменным оставалось следующее: убийца давал нам подсказку, то есть предлагал поиграть. Точно, псих. На психов у меня давняя аллергия, оттого я и не пришла в восторг от открывающихся перспектив.

Я подъехала к своему дому около семи часов. В гостиной горел свет. Впрочем, это ничего не значило, свет я оставляю включенным для Сашки, так же, как и телевизор. Хотя, может, все-таки для себя – приятная иллюзия, что кто-то ждет дома. Сашка в самом деле ждет.

Я загнала машину в гараж, поднялась в холл, удивляясь, что пес не спешит мне навстречу. Наверное, обиделся, что я оставила его одного на весь день. Я вошла в холл, и причина такого поведения Сашки стала понятна. В кресле устроился

Тагаев. Он сидел, вальяжно развальясь, и таращился в телевизор, Сашка дремал у него на коленях. Идиллическая картина. Одно радовало: Тагаев переобулся в тапочки, следовательно, не забыл правил, которые я установила.

Услышав шаги, Сашка поднял голову, посмотрел на меня и стыдливо отвернулся. Было время, когда я всерьез ревновала его к Тагаеву и утешалась тем, что ему просто не хватает мужского общества. Сашка робко тявкнул, Тагаев повернулся.

– Привет, – сказал он и улыбнулся.

Я в ответ нахмурилась и заметила:

– Не дом, а проходной двор.

Злилась я в основном на Сашку, а в результате досталось Тагаеву. Он опустил пса на пол, поднялся и заявил:

– Надо поговорить.

– Стоя? – буркнула я.

Он вновь улыбнулся и сел в кресло. Надо сказать, со мной он был на редкость терпелив. Не думайте, что я этого не ценила, но почему-то одновременно это здорово меня раздражало.

Я устроилась в кресле. Сашка подошел и начал тереться о мои ноги. Его попытки подластиться ко мне я игнорировала, всецело сосредоточившись на Тимуре.

– У тебя есть ключи от моей квартиры? – начала я строго. Он усмехнулся, а я добавила: – Ах, ну да, замки для тебя не проблема. Старые привычки долго держатся.

– Извини, – вздохнул он. – Я должен был позвонить и спросить твоего разрешения приехать. Обещаю без приглашения больше не являться. Идет?

– Идет, – кивнула я. – Чем обязана?

– Ты же знаешь, – он вновь улыбнулся. Улыбка вышла мягкой и даже снисходительной. – Светлану убили. Ты видела, как я с ней разговаривал на приеме. Так вот, я не имею к ее смерти никакого отношения. Никакого, – повторил он. – Я решил поговорить с тобой, ответить на вопросы, если они возникнут, и избавить тебя от черных мыслей на мой счет.

– С чего ты взял, что на твой счет у меня черные мысли? – удивилась я. Он усмехнулся, а я съязвила: – Очень мило с твоей стороны облегчить мне жизнь.

– Можно узнать, почему Деда вдруг заинтересовало это убийство? – спросил Тимур.

– Деда? – подняла я брови.

– Значит, это твоя инициатива. А тебя ее смерть почему заинтересовала?

Я не видела причины скрывать обстоятельства своего знакомства с Луганской.

– История в высшей степени романтическая, – устраиваясь поудобнее, начала я. – На приеме ко мне подходит девушка, утверждает, что ее собирается убить любовник, и просит моей помощи. Но помощь должна выглядеть так: я найду ее убийцу и засажу его за решетку.

– Занятно. Может, у нее проблемы со здоровьем? Я имею

в виду душевное здоровье?

– Тебе лучше знать, – пожала я плечами.

– Значит, она считала, что любовник хочет ее убить? В чем причина такой немилости?

– В преступлении. И она, по ее словам, орудие в его руках.

– И ты решила, что этот любовник я?

– А это так? – выдержав паузу, проявила я интерес.

Тагаев засмеялся:

– Я был прав. Оттого и поспешил встретиться с тобой. Первое и основное: ее любовником я никогда не был. Какое-то время много лет назад я жил с ее подружкой, поэтому мы неплохо знали друг друга. Она тогда работала в ресторане... Впрочем, я уверен, Вешняков уже знает об этом.

– Допустим. Что дальше?

– Она познакомилась с парнем. Ничего особенного, парень как парень, он жил в Москве, сюда приезжал к родителям. Был женат, но со Светланой у них получилось всерьез. В общем, она уехала в Москву. С женой он не развелся, зато помог ей устроиться на работу, вполне приличную, там она и подцепила своего мужа. Как, не спрашивай, понятия не имею. Я не особенно интересовался, кто он и откуда. Вроде бы какой-то депутат. Муж умер, а она вдруг снова объявилась в нашем городе.

– Довольно странно, ты не находишь? – заметила я.

– Почему же, – пожал он плечами. – К примеру, ее тяготила столичная жизнь. Она говорила, что чувствовала себя

там одинокой.

– А здесь?

– Слушай, я не вел с ней разговоров по душам.

– Как вы встретились? Случайно?

– Нет, – с легкой заминкой ответил Тимур. – Она позвонила в «Шанхай», спросила меня. Если честно, я не сразу сообразил, кто это: прошло довольно много времени. Я и подругу-то, с которой жил тогда, успел забыть. Ну, мы немного поболтали о том, о сем. Я, конечно, удивился, звонить ей мне совершенно не за чем. Вдруг она говорит, что хотела бы увидеться, типа, вспомнить молодость, я не выразил энтузиазма, но и обидеть не хотел. Сказал: заходи в ресторан, поболтаем.

– И она пришла?

– На следующий день.

– Действительно вспоминала молодость?

– В основном жаловалась. Как трудно без мужа, и все такое... В Москве никого, и здесь старых друзей не осталось.

– А ты что?

– Сочувствовал. Она приглашала в гости, адрес оставила.

– Ты приглашением воспользовался?

– Нет, но как-то раз мы вместе обедали.

– Ты сказал, она оставила адрес?

– Да.

– Ты его помнишь?

– Точно нет. Но где-то на Ямской.

– О чем ты ее предупреждал? – спросила я, не сводя с Тимура взгляда.

– О том, чтобы была поосторожнее с деньгами, – нахмурившись, ответил он. – Собственно, второй раз она попросила о встрече, чтобы посоветоваться со мной. Хотела вложить свои деньги в один проект. Но я ее отговорил.

– Что за проект?

– Строительство торгового центра на Никитской. Там полная неразбериха с землей, как ты знаешь. К тому же строить будет Сокольский, а это верный долгострой, там свои бабки и за десять лет не отобьешь. Вот и все.

– Понятно, – кивнула я. Не верить Тимуров повода у меня не было. Все могло быть именно так, как он рассказывает. Почему нет? Вполне логично обратиться за советом к старому приятелю, особенно если знаешь, что у него в этом городе большие возможности. Однако чего-то Тимур не договаривал и поглядывал на меня с заметным беспокойством, причем беспокойство относилось к моей персоне. Сам он парень на редкость спокойный, если не считать вспышек гнева, которые в настоящий момент вспоминать ни к чему.

– На месте Деда я бы загрузил тебя работой, – заметил он, поднимаясь. – Не было бы времени на ерунду.

– Ерундой ты называешь убийство?

– Оно тебя не касается. Это дело милиции. Пусть твой Вешняков ищет убийцу.

– Он ищет.

– Я знаю, что разговор на эту тему бесполезен. – Тагаев уже дошел до двери, когда вдруг повернулся и спросил: – Как ты живешь?

Вопрос, признаться, поставил меня в тупик. Как я живу, в самом деле? Обыкновенно. Ем, пью, с собакой гуляю. Иногда пристаю к людям с вопросами, вот как сегодня.

Я пожала плечами и ответила:

– Нормально.

Его мой ответ почему-то не удовлетворил. С полминуты он разглядывал паркет под ногами и вновь спросил:

– Скажи честно, ты хоть иногда обо мне думала?

– Позавчера очень много.

Он усмехнулся:

– Ясно.

– Можно я тоже задам вопрос? – не осталась я в долгу.

– Валяй.

– Что означает позавчерашний демарш? Один умный человек сказал, что ты намерен поиграть в политику. Неужто правда?

– У каждого свои игрушки, – равнодушно пожал он плечами.

– Так да или нет? – настаивала я.

Тагаев засмеялся, тихо и насмешливо покачал головой и приблизился ко мне.

– Знаешь, когда человеку чего-то очень не хватает, он пытается это как-то компенсировать.

– Да, я в курсе, слепые хорошо слышат, у них отлично развито осязание. Ты это имел в виду?

Он опять засмеялся:

– Примерно так.

– И чего не хватает тебе?

– Хочешь, чтобы я ответил? – помрачнел Тимур.

– Хочу.

Он смотрел мне в глаза, и я не отводила взгляда, а потом вдруг почувствовала страх, потому что шагнула на запретную территорию.

– В самом деле хочешь?

– Нет, – покачала я головой, поспешно отводя взгляд.

– В этом все и дело, – кивнул Тагаев.

Мы стояли слишком близко друг к другу, горячая волна ударила мне в голову. Стало трудно дышать. Я отступила на шаг, он схватил меня за руку, а я с горечью подумала, что в таких ситуациях мудрые мысли не спасают. Они отсутствуют. А потом являются и не дают покоя, когда уже поправить ничего нельзя.

Какие к черту мысли, когда его руки на моем теле и губы совсем рядом. Просто повиснуть у него на шее и на этот вечер почувствовать себя счастливой. А с утра, глядя в зеркало, заявить, что я дура, поступаю по-дурацки, порчу себе и ему жизнь, потому что с Тагаевым так нельзя. Он не из тех, кто считает мир светло-серым, у него либо черно, как ночью, либо светло, как днем. А у меня ни ночи, ни дня, сплош-

ное солнечное затмение. Хотя на самом деле все просто, мне нравится заниматься с ним любовью, но я его не люблю, по крайней мере так, как ему бы хотелось. А как ему бы хотелось, я попросту не умею, и с этим ничего не поделаешь.

Я стояла зажмурившись, пока он не поцеловал меня в лоб. Братский поцелуй, не более, и сопровождался он тоже братской улыбкой.

– Не бойся, – сказал он, и в голосе его слышалась насмешка. – Я ухожу.

Он дошел до двери, распахнул ее, помахал мне рукой и даже улыбнулся на прощанье.

– Надо завести любовника, – сказала я Сашке, который с грустью смотрел на дверь. – В конце концов, и о здоровье следует подумать. Длительное воздержание сказывается на мне дурно, я готова броситься в объятия первому встречному. – За «первого встречного» Сашка обиделся, потому что уважал Тимура, и с достоинством удалился в кухню.

Утро, как обычно, выдалось паршивым. Утро я в принципе не люблю, а тут еще снег пошел, сырой, противный. Дойдя до середины аллеи, Сашка потрусил домой смотреть телевизор. И правильно, с моей точки зрения, в такое утро не только гулять, даже просыпаться ни к чему.

Выходя из парка, который как раз напротив моего дома, возле своей входной двери я обнаружила «Жигули» зеленого цвета и молодого человека, который давил на кнопку звонка

с таким усердием, точно за это платили отдельно.

– Зачем я вам понадобилась? – проявила я вполне понятный интерес.

– Вы Рязанцева Ольга Сергеевна? – спросил парень, посмотрелся ко мне, подобрел и выдал улыбку.

– Точно. А вы кто такой?

– Служба доставки. Вам пакет. Будьте добры, предъявите документ, удостоверяющий вашу личность.

– Водительское удостоверение годится?

– Конечно. – Я протянула пластиковую карточку, он взглянул, улыбнулся еще шире и полез в салон «Жигулей». – Вот здесь распишитесь в получении.

– Сначала бы хотелось знать, кто и что мне прислал.

– Пакет, – пожал плечами парень и протянул мне большой коричневый конверт, туго набитый и перевязанный бечевкой. По виду обычная бандероль. На конверте моя фамилия и мой адрес, а вот обратный адрес отсутствовал.

Заинтригованная, я расписалась в получении и вошла в квартиру, в задумчивости едва не прихлопнув дверь родного пса. На ощупь в бандероли, скорее всего, бумаги. Во всяком случае, хорошо гнется во все стороны, и слава богу. Надеюсь, люди, или человек, хотели меня порадовать. Впрочем, почему-то в это мне не особо верилось.

Взяв нож, я разрежала веревку, стягивающую пакет. Сашка, до той поры вертевшийся под ногами, глухо зарычал.

– Тихо, зверь, – призвала я его к порядку, надрезала пакет,

и из него на стол упали три пачки долларов. Стодолларовые купюры. На глаз в каждой пачке тысяч десять. Они были стянуты разноцветными резиночками. Повертев пачки в руках, я решила, что доллары настоящие. Чудеса. Кому пришло в голову посылать мне деньги? Конечно, большое ему спасибо за заботу, но мне своих девать некуда.

Я заглянула в конверт и обнаружила листок бумаги. Текст был отпечатан на компьютере. «Ольга Сергеевна, когда-то давно я прочитала рассказ про мальчика, который, заплатив частному сыщику доллар, стал его клиентом. Мальчика убили, а сыщик счел своим долгом найти убийц. Я знаю, что вы не частный детектив, и все же хочу быть вашей клиенткой. Думаю, вы уже знаете, что меня убили. Если нет, то я вам сообщаю: меня нет в живых. Найдите его. И пусть он будет проклят во веки веков».

– Очень интересно, – пробормотала я, устраиваясь в кресле, потом подумала и заварила себе кофе. Сашка притих и наблюдал за мной. – Вот ты умный пес, – начала я приставать к нему. – Скажи, как тебе это нравится? Женщина встрети­лась со мной, заинтриговала, вроде бы желая подстраховаться. Опасения ее подтвердились, и вот я получаю письмо. Человек приложил массу усилий, чтобы попасть на прием и встретиться со мной, но к чему такие сложности, если ей известен мой адрес? Могла бы дождаться меня возле дома и рассказать свою историю. Опять же она лишь намекнула на некое лицо, знакомое нам обоим. То, что она не назвала

его имя на приеме, вполне понятно: еще надеялась, что для нее все закончится хорошо. Но здесь она черным по белому пишет: меня уже нет. Отчего бы не приписать фамилию убийцы, желавшего ей смерти, или хотя бы подсказать, где я должна искать этого типа?

Допив кофе, я быстро собралась и поехала в ту самую фирму, которая занималась доставкой корреспонденции. Собственно, такая фирма в городе только одна, к тому же я обратила внимание на номер машины.

Сашка заволновался, заметив, что я куда-то собираюсь, и я из собаколюбия взяла его с собой. Адрес фирмы я узнала через справочное бюро. Ее офис располагался в двухэтажном здании возле реки, неподалеку от железнодорожного вокзала. Хитросплетению здешних переулков приходилось только удивляться. Чтобы найти нужный дом, мне пришлось потрудиться. Здание было обнесено забором из кирпича, возле которого стояли уже знакомые мне «Жигули». Водитель отсутствовал.

Я толкнула калитку и вскоре поднималась по металлической лестнице, фирма находилась на втором этаже. Девушка в приемной улыбнулась мне и спросила, чем может помочь, она явно рассчитывала на очередного клиента. Пришлось разочаровать ее.

– Я получила пакет. – Я назвала фамилию и адрес, а также предъявила удостоверение.

Девушка заметно забеспокоилась. Через пару минут она

решила, что сама с проблемой не справится, и вызвала менеджера. Молодой человек волновался меньше, но говорил неохотно.

– Я, собственно, не понял, что вас интересует?

– Кто и когда отправил мне этот конверт?

– Посмотри в журнале, – кивнул он девушке.

Она открыла журнал, нашла нужную страницу, и я увидела дату, не удержалась и даже присвистнула. Посылку принесли вчера вечером, то есть через сутки после смерти Светланы.

– Вы запомнили этого человека? – спросила я.

– По правилам у нас необходимо указать свой адрес и фамилию. Вот, посмотрите: Хрущев Б.Г., Третья Кольцевая, дом 125, квартира 117.

– Как он выглядел? – не унималась я.

– Ну... обычно. Лет сорок, высокий, с бородой, волосы длинные, в очках... А что? Вы так и не объяснили, что произошло? По нашим правилам...

Слушать его я не стала, подхватила сумку с Сашкой подмышку и поспешила к машине.

Третья Кольцевая, насколько я помнила, находилась где-то в западном районе. Сто двадцать пятый дом оказался двенадцатиэтажкой в форме подковы. Я насчитала семь подъездов. Вряд ли соседи хорошо знают друг друга. Домофон отсутствовал, дверь подъезда распахнута, воняло кошками и кислой капустой. Дому было не больше пяти лет, но выгля-

дел подъезд так, точно пережил две войны. На шестой этаж я поднялась на лифте и вскоре оказалась перед металлической дверью с цифрами 117. Позвонила, не особо рассчитывая на успех. Мне никто не открыл. С интервалом в две минуты соседняя дверь с шумом распахнулась, и в проеме появилась женщина лет сорока пяти с таким злющим лицом, что впору было бежать отсюда без оглядки.

– Зря звоните, – с места в карьер заявила она. – Хозяйки нет. А вчера хахаль свои вещички забрал.

– А где она? – задала я вопрос. Начинать с чего-то надо, и этот вопрос казался вполне подходящим.

– Уехала. В командировку, наверное. Она все по командировкам ездит.

– А фамилия хахалья Хрущев?

– Откуда мне знать? Я с ним не знакомилась. Он не ко мне, а к соседке ходит.

– Давайте поговорим о соседке, – предложила я и предъявила удостоверение. Женщина забеспокоилась.

– Да я ее знать не знаю. Разговаривали всего пару раз, я и в квартире-то никогда не была.

Я склонна была ей поверить, однако то, как стремительно она появилась, едва я оказалась возле соседской двери, позволяло надеяться, что дама деятельна и любопытна.

– Я ищу Хрущева Б.Г., – сказала я. – Мне дали вот этот адрес. Как фамилия вашей соседки?

– Луганская. Зовут Светка. Ее платежку в мой почтовый

ящик бросили, вот я фамилию и узнала. Живет она уже полгода, до этого здесь семья жила, с ними у меня отношения не сложились. И Светка тоже какая-то нелюдимая. Поздоровается и мимо, ни разу не поболтала по-человечески, к себе не пригласила. Появлялась редко, все по командировкам ездила.

– Что за хахаль у нее был?

– Хахаль как хахаль. Мужик лет сорока, солидный и при деньгах. Это сразу видно. Светка тоже одета хорошо, я сапоги такие, как у нее, в универмаге видела, двенадцать тысяч. Мне чуть плохо не стало. Не знаю, что у нее за командировки, но, видно, деньжищ получает немерено, или хахаль отваливает. На зарплату так не разживешься. Хахаль здесь не живет, просто заходил. Не скажу, чтобы часто. А вам он зачем нужен? – хитро спросила она.

– Вашей соседки больше нет в живых, ее убили.

– Ох ты, господи... Чего ж мы с вами здесь стоим, заходите в квартиру... А кто убил? Хахаль? Когда? Я ничего не слышала.

Я вошла в квартиру и позвонила Вешнякову.

– Я на Третьей Кольцевой. – Я назвала точный адрес. – Ключи от квартирыхвати, думаю, это то, что мы ищем.

Артем досадливо крякнул:

– И тут обскакала. Новиков только что сообщил про эту квартиру. Ты-то о ней как узнала?

– Мне помогли. Приезжай, на месте разберемся.

Артем приехал вместе с Новиковым и еще двумя молодыми людьми. Обоих я знала, даже помнила фамилию одного из них – Игошин, так что представлять нас друг другу и объяснять, почему я здесь, не пришлось. Как я уже сказала, народ у нас понятливый, если начальство решило, что так надо, значит, надо.

Пока ожидала Артема, я успела поговорить с соседкой, дама она была словоохотливая, но пользы от нее оказалось мало. Так называемого хахаля она видела раза три, но как следует разглядеть не смогла, он быстро шел от лифта к двери, отпирал ее своим ключом, а когда соседка, выглянув, поздоровалась с ним, буркнул «здравствуйте» не обернувшись. Ей оставалось наблюдать за ним в «глазок», что она и делала, но особого удовлетворения не получила. Приезжал ли он на машине или приходил, сказать не могла – во дворе машины оставляют все кому не лень. Рядом торговый центр с платной автостоянкой, те, кто желает сэкономить, приспособились загонять машины во двор.

– Почему вы решили, что вчера он забрал вещи? – спросила я.

– Так с сумкой уходил. Когда пришел, в руках у него ничего не было, а вышел с сумкой. Небольшая такая, спортивная. Я вот и подумала: не иначе как вещички забрал, что там мужикам обычно надо: бритву, к примеру, или тапочки.

– Они что, ссорились?

– Почему я знаю? Может, и ссорились.

– Крики, громкие разговоры?

– Ничего такого не слышала.

– Тогда почему все же подумали, что он вещички забрал?

– Говорю, с сумкой шел.

– Как он выглядел? Высокий, худой, маленький, толстый?

– Представительный. Высокий, но не очень. И не толстый,

брюха нет, это точно, а так поди разберись, если он в пальто.

В очках, а еще с бородой.

– Волосы длинные?

– Да вроде нет. Он в кепке был.

Тут появился и Вешняков. Ключи, найденные у Светланы, подошли к замку, мы внедрились в обычную двухкомнатную квартиру со стандартной мебелью. Исключением являлась спальня. Здесь шелковое белье на постели, кровать с занавесями из прозрачной органзы с вышитыми по голубому полю золотыми полумесяцами. Пушистый ковер, гора подушек, низкий столик с кальяном. Новиков подошел, взял кальян в руки и принялся, потом поставил на место.

В целом спальня мне понравилась. Кровать не выглядела громоздкой, напротив, казалась воздушной, на такой очень удобно лететь куда-нибудь в объятиях любимого. Мысленно, конечно, хотя и это как повезет.

– Любовное гнездышко, – сказал Новиков с обидой в голосе.

– Ага, – кивнул Артем.

– Когда она купила квартиру? – спросила я.

– Эту? Пять месяцев назад. Зачем ей еще одна квартира? Я бы понял, если б одну сдавала, недвижимость и все такое. Да и квартира так себе, дом огромный, подъезд гадкий, народу, как в Китае...

– Может, не успела сдать, – подал голос Новиков.

– Ничего вы в женщинах не понимаете, – съязвила я. – Квартира действительно так себе. А вот спальня убрана с любовью и фантазией. О чем это говорит?

– О том, что она здесь с кем-то встречалась, – кивнул Артем.

– Одинокая женщина покупает вторую квартиру, чтобы с кем-то здесь встречаться.

– Любовников было двое?

– Вполне логично. По крайней мере, это самое простое объяснение наличия второй квартиры. Она была женщиной осторожной и не хотела, чтобы один случайно узнал о другом. Хотя есть еще вариант: девушке просто нравились тайны. Могла себе позволить такую блажь, получив наследство. Кстати, много ли унаследовала вдова?

– Официально немного. Прежде всего: квартиру в Москве и две машины, одну из которых она продала. Денег в ее квартире так и не нашли, счета проверили, поступлений за последнюю неделю не было. Возможно, ее убили из-за денег, которые она выручила за машину. Кому-то сумма в тридцать тысяч долларов показалась вполне заманчивой.

– Думаю, эти деньги сейчас у меня. – Мужчины взглянули на меня с непониманием. – Объясняю, как я вышла на эту квартиру. Сегодня со службой доставки я получила пакет с тридцатью тысячами долларов и записку. – Я протянула листок Артему. – Поехала в службу доставки, по их правилам отправитель обязан указать свой адрес.

– И там был указан этот адрес? – вроде бы не поверил Артем. – А чья фамилия?

– Некого Хрущева Б.Г.

– Может, есть смысл поискать парня? – внес предложение Новиков.

– Поискать, конечно, можно, – кивнула я, – но, скорее всего, этого Хрущева в природе не существует. Там висел образец заполнения бланка как раз с этой фамилией. Девушка, которая принимала пакет, внимание на сие не обратила, а мне показалось это интересным.

– Дядя затейник, фамилию назвал чужую, а вот адрес указал правильно.

– Точно. Он не хотел, чтобы мы его нашли, но очень хотел, чтобы обнаружили эту квартиру. Поскорее обнаружили. Зачем? Боялся, что долго провозимся...

– И не успеем до двадцать шестого? Если, конечно, Лялин прав и караули на паркетe это дата?

– Очень похоже на правду, – опять кивнула я.

– Тогда выходит, что Луганская не только тебе рассказала о своем возможном убийстве. Когда отправили пакет?

– Вчера.

– Значит, узнав о гибели Луганской, кто-то выполнил ее волю, переслав тебе пакет. И этот адрес указал по ее настоянию.

– Вот тут самое интересное, – усмехнулась я. – На первый взгляд все вроде бы просто: женщина боится близкого и любимого человека, не просто боится, подозревает, что он ее убьет. Она якобы орудие готовящегося преступления, после совершения которого он не оставит ее в живых. Свидетели, как известно, долго не живут. Желая посмертно наказать обидчика, Луганская встречается со мной, несет что-то маловразумительное, но, несмотря на это, заинтриговать меня она все-таки смогла, намеком на то, что я, она и таинственный любовник как-то связаны.

– Она могла это придумать, чтобы тебе стало интересно.

– Допустим. Рассказав все мне, она выбрала из своих знакомых человека, мужчину, заметь, а не женщину...

– Какая разница?

– Ну... обычно первой на ум приходит подруга. Впрочем, разница на самом деле небольшая. Так вот, она и ему что-то сообщила о своей предполагаемой смерти и просила, если это грустное событие произойдет, отправить мне пакет с тридцатью тысячами долларов, что выручила за машину, и запиской. Дядя пожелал остаться неизвестным, но сообщил нам адрес этой квартиры по желанию все той же Луганской.

– Ну, – кивнул Артем. – По-моему, все логично.

– А по-моему, это бред. От начала до конца.

– Если ты на тот счет, что девушка пошутила, так я хочу напомнить: ее убили.

– С этим не поспоришь, – согласилась я. – Вряд ли девушка шутила. Чего не скажешь о ее дружке, или кем там он ей доводится. Мы знаем, что написать что-либо после первого выстрела Светлана не могла, следовательно, надпись оставил убийца. Так?

– Выходит, так.

– Мы решили, что это дата, дата предполагаемого преступления. Зачем убийце сообщать ее нам и тем самым предупреждать? Записку Светланы ты читал, в ней никакого намека на то, кто мог убить и за что, хотя логичнее помочь мне и как-то намекнуть на врагов. Зато в конверте тридцать тысяч, которые она недавно получила за машину. Некоторые несознательные граждане еще продолжают хранить деньги под матрасом. Теперь сама записка. Ни в той квартире, ни в этой нет ни компьютера, ни пишущей машинки. Почему бы девушке не написать записку от руки?

– Ее писала не она. Этот тип знал о деньгах, вложил их в конверт и послал тебе.

– Возможно, лишь с одной целью – сообщить нам этот адрес. По его замыслу мы должны здесь что-то найти.

– Знаешь, что пришло мне в голову? – вздохнул Артем. – Кто-то хочет, чтобы ты была в деле. Сначала девушка тебя заинтриговала, потом тебе прислали деньги и трогательное

послание, чтобы назад дороги уже не было. Я даже больше скажу: очень может быть, что девушка действительно орудие преступления и ее задачей было втравить тебя в эту историю, после чего за ненадобностью ее убрали и продолжили игру с тобой. Ну, как?

– Я была не права, – усмехнулась я. – Фантазия у тебя будь здоров.

– Ага. И моя версия ничуть не хуже твоей.

– Точно. Остается ее проверить, раз по замыслу автора мы обязаны здесь что-то найти. Приступим, чтобы не терять время.

Я выбрала гостиную, Вешняков присоединился ко мне, Новиков занялся спальней, его товарищи – кухней и холлом. Болтовня поискам не помеха, и я спросила Артема:

– Неужто соседи ничего не заметили?

– В вечер убийства парень из второго подъезда обратил внимание на мужчину: высокий блондинистый тип с усами и бородкой, в очках. Шел к подъезду, где жила Луганская, и нервно оглядывался.

– Откуда он шел?

– С проспекта. Так что если приехал на тачке, то оставил ее подальше от дома.

– Раньше этого мужчину кто-нибудь видел?

– Нет. Опросили соседей, никто похожего блондина не припомнит. Либо он там просто так шлялся, от нечего делать, либо действительно шел к Луганской.

– И убил ее?

– Время подходящее. Примерно через полчаса соседка обратила внимание на незапертую дверь.

– Но хоть кто-то к ней иногда приходил?

– Говорят, бывала подруга, может, и мужчины... Луганская ни с кем из соседей не общалась. Народ там в основном работающий, так что днем никого нет. А вечером никому ни до кого нет дела. Сейчас темнеет рано, по вечерам старушки не гуляют, собак в доме и то не держат. Дом большой, с лифтом, если подняться по лестнице, есть шанс вообще никого не встретить. При некотором везении можно посещать даму своего сердца очень долго, и никто тебя не заметит.

– А еще говорят, что нет ничего тайного, что не стало бы явным, – посетовала я.

– И правильно говорят, – кивнул Артем. – Вот немного напряжемся и раскроем все тайны.

– Мечтать не вредно, – в свою очередь, кивнула я.

– Может, здесь с соседями повезет больше, – не обращая внимания на колкость, продолжил Вешняков. – Тетка напротив вроде перспективная.

– Ага. От «глазка» практически не отходит. Видела мужчину, с бородой и усами, в очках. Может, тот самый? Похожий тип отправил мне пакет. У него есть ключ от этой квартиры.

– Борода и усы? Интересно.

– Ты в том смысле, что он маскировался? Кино, ей-богу.

– Кино, – вздохнул Артем. Было заметно, что рыться в чужих вещах ему уже надоело. – Между прочим, у меня своей работы по горло, – начал он ныть. – Дружба дружбой, а служба...

И тут с кухни позвали:

– Артем Сергеевич, вот, взгляните...

Мы прошли в кухню. Игошин проверял содержимое шкафа, который был набит до отказа: лекарства, какие-то бумаги, гарантийные талоны на бытовую технику и прочее... На нижней полке лежала фотография в рамке. Впрочем, к тому моменту, когда я вошла в кухню, она уже перекочевала в руки Вешнякова. Он повертел ее, а потом поставил на микроволновку.

Это была единственная фотография, найденная в двух квартирах. На ней Светлана счастливо улыбалась мужчине средних лет, оба смотрели друг на друга, а не в камеру. Правая рука мужчины покоилась на бедре женщины, левой он то ли убирал прядь волос с ее лба, то ли просто касался пальцами лица. Раз взглянув на фотографию, становилось ясно: Светлана запечатлена здесь со своим любовником.

Я перевела взгляд на мужчин и, тяжело вздохнув, возвестила:

– Ребята, у нас проблемы.

Тут надо пояснить следующее: хотя я и числилась в штате Деда помощником по связям с общественностью, но в основном занималась делами, которые могли перерасти в скандал.

Скандалы в благородном семействе Дед не жаловал. Таких дел хватало. Политика, как известно, редко делается чистыми руками (лично я таких примеров не знаю), и неприятные моменты возникали часто, а как только они возникали, появлялась я и следила за тем, чтобы ситуация не вышла из-под контроля.

Я так поднаторела в этом, что Дед не без основания гордился мною до тех пор, пока он, что называется, не перегнул палку. Мы не сошлись с ним во мнении и оказались по разные стороны баррикады. Я хлопнула дверью и ушла из команды. Потом, правда, вернулась, но ненадолго. Попробовала уйти вновь, но Дед не хотел меня отпускать. Я говорю все это к тому, чтобы стало понятно: о политических играх, точнее, о том, во что они могут вылиться, я была осведомлена хорошо и не понаслышке. И сейчас с уверенностью могла сказать: эта находка чревата неприятностями. Оттого-то я сразу загрустила.

– Ты его знаешь? – хмуро поинтересовался Артем, разглядывая мужчину на фотографии.

– Конечно. Никитин Анатолий Юрьевич.

Новиков хмурился, что-то вспоминая. Стало ясно: фамилия ему ни о чем не говорит, следовательно, мент он малолетнебопытный, а главное – политикой не интересующийся. Артем в этом смысле был более подкован, хотя физиономию на фотографии сразу не узнал, но на фамилию отреагировал: скривился так, точно съел кислое. Никитин был выдвижен-

цем Деда. Если он пройдет на выборах (в чем лично я ни минуты не сомневаюсь), Дед получит надежного помощника, который, по меткому выражению Лялина, будет у него с руки есть, и Дед наконец-то станет полноправным хозяином области. Отдельные личности могли беспокоить его по пустякам, но их и сейчас уже никто всерьез не воспринимал, а уж когда и в гордуме будут одни его сторонники, он может жить спокойно, и простые граждане тоже, со сладкой иллюзией демократии и справедливости. Скоро выборы, и мне даже представлять не хотелось, какое лицо будет у Деда, когда я доложу ему о нашей находке. Я еще раз вздохнула и сказала:

— Ребята, до выяснения точки зрения нашей власти вот на это (я кивнула на фотографию), предлагаю забыть о ее существовании, дабы не оказаться в очень неприятной ситуации.

Мужчины переглянулись, потом нахмурились, а Вешнякову этого показалось мало, и он недовольно крикнул, точно я была во всем виновата.

Мы спешно закончили осмотр квартиры. Кроме фотографии, ничего заслуживающего внимания здесь мы больше не нашли. Уже в машине Вешняков, уставясь в лобовое стекло, заметил без энтузиазма:

— Дед решит, что этим делом должна заняться ты.

— Возможно, — кивнула я в ответ. — А если так, то, зная твое особое ко мне отношение, можно не сомневаться, что поручат его тебе, раз уж я не могу заниматься им официально.

– Премного благодарен, – скривился Артем. – Я буду носом землю рыть, а ты везде свой совать и действовать мне на нервы.

– Иногда польза от меня все-таки есть, – решила я заметить в свое оправдание.

– Очень редко, – съязвил Артем.

– Может, и не будет никакого дела, – попыталась я его утешить. – За несколько месяцев до выборов такой подарок ни к чему.

– Думаешь, Никитина подставляют?

– Это первое, что приходит в голову.

– А второе?

– Отвяжись, – вздохнула я. – Нет у меня второго, а так же третьего.

– До чего ж я ненавижу политику, – заныл Вешняков. – Будут по рукам бить да воспитывать. Я вот что подумал, – помолчав, сказал он. – Если кто-то Никитина подставляет, то человек этот ох как не прост. Моя мысль тебе понятна?

– Еще бы. Кто ж в здравом уме попрет против Деда. Но если все же попрет...

– Вот-вот. Как думаешь, мог Никитин любовницу убить за неведомые нам грехи? – спросил он с надеждой.

– Откуда мне знать? В любом случае фотография здесь появилась не случайно. Нас сюда пригласили и показали ее. Следовательно, что-то имели в виду, а подставляют парня или разыгрывают счастливую карту – посмотрим. Если, ко-

нечно, дадут посмотреть, а то могут дать по шее с предложением не лезть.

– Меня бы это вполне устроило, – пожал плечами Артем. Я согласно кивнула.

– Послушать соседку, так выходит, что любовник Луганской парень с бородой и усами, – размышляла я вслух.

– Никитин бороду и усы не носит. Конечно, может, маскировался, боясь пристальных взоров общественности. Но как-то это совсем по-дурачки.

– Усатый что-то выносил из квартиры. То, что нам, с его точки зрения, видеть ни к чему. Возможно, он и оставил фотографию. На радость нам, назло врагам. Или наоборот. В любом случае я бы хотела поговорить с господином Никитиным, желательно прямо сейчас.

– Вряд ли это понравится Деду, – с сомнением глядя на меня, заметил Артем.

– Придется ему это пережить.

– Ох ты господи, – вздохнул он. – Опять куда-то вляпались без всякого к тому желания. Ладно, поехали к Никитину.

– Тебе ехать ни к чему, – возразила я. – Чего доброго подполковника не получишь, а со мной Деду туго придется. Решит гнать в три шеи – так я не против. Тебя где посадить?

– Давай вот здесь, пройдуся, подумаю.

Мы простились, и я поехала к Никитину с фотографией в сумке. Милиционер на входе в здание законодательного собрания с удивлением взглянул на меня. Я сунула ему под нос

удостоверение, он кивнул, разрешая пройти. Отыскать Никитина оказалось делом нелегким. Я изучала план, который предусмотрительно был вывешен возле лифта, когда створки его распахнулись и появился Ларионов, начальник охраны Деда. Как я уже сказала, мы с ним друг друга не жаловали, и этому была причина, даже не одна. Но в последнее время он ко мне заметно подобрел, предлагая забыть старое и слиться в едином стремлении служить народу в лице Деда. Тем более что служить предлагается не за страх, а за большие деньги. Насколько он был искренен, судить не берусь, но особое расположение ко мне Деда, безусловно, сыграло здесь далеко не последнюю роль. Ларионов из тех, кто предпочитает дружить со всеми, и это ему мастерски удавалось.

Выйдя из лифта и обнаружив меня, он поначалу удивился, а потом улыбнулся, точно ждал этой встречи всю жизнь.

– Привет, ты здесь какими судьбами?

Тот же вопрос вполне могла задать ему и я, но не стала, предпочитая туманную формулировку:

– По делам.

– А-а, – протянул он.

Я тоже улыбнулась и поспешно вошла в лифт. Улыбка враз сползла с его физиономии. Теперь он смотрел с напряженностью.

Я поднялась на четвертый этаж, прошла коридором, застеленным красной дорожкой, и наконец обнаружила дверь с нужной табличкой. Секретарь сидела в приемной в гордом

одинокестве. Меня она узнала сразу, улыбнулась и сказала:

– Здравствуйте, Ольга Сергеевна.

– Здравствуйте, – разудыбалась в ответ я. – Я бы хотела поговорить с Анатолием Юрьевичем. Это возможно?

– Он очень занят, но, думаю, для вас найдет время. – Она скрылась за дверью и через минуту, распахнув ее, предложила: – Проходите, пожалуйста.

Никитин при моем появлении поднялся из-за стола и улыбнулся, правда, как-то нерешительно, наверняка гадал, чего это меня черт принес.

– Много времени я у вас не займу, – сообщила я, устраниваясь в кресле. – Мне хотелось бы, чтобы вы ответили на несколько вопросов.

– С удовольствием, если это в моих силах, – кивнул он. Но особого удовольствия в его голосе не слышалось.

– Анатолий Юрьевич, вы знакомы с женщиной по фамилии Луганская? Луганская Светлана Геннадьевна.

Он откинулся на спинку кресла, поджал губы и даже нахмурился, имитируя работу мысли.

– Не припомню, – сказал он где-то через полминуты. – А в чем, собственно, дело?

– Может, вот это освежит вашу память. – Я достала фотографию в рамке, он взглянул на нее мельком и пошел пятнами.

– Что это? – спросил грозно.

– Фотография, – пожала я плечами. – На ней, как видите,

вы и та самая Луганская. Глядя на эту фотографию, на ум приходит мысль, что вы неплохо знали друг друга.

– Чепуха. Я не знаю эту женщину, а фотография... это подделка. Откуда она у вас?

– Анатолий Юрьевич, – вздохнула я. – Вам, должно быть, известно, что Луганская погибла. Ее застрелили в собственной квартире. Фотографию мы обнаружили...

– Все, хватит, – перебил он. – Немедленно покиньте кабинет, или я буду вынужден вызвать охрану.

– Некоторые обстоятельства ее гибели... – начала я.

Он схватил трубку, набрал номер, а я вновь пожалала плечами, ожидая, что будет дальше. Как выяснилось, звонил он Деду.

– Игорь Николаевич, у меня сидит Рязанцева. По-моему, она не в себе. Я бы хотел... – Что он хотел, я так и не узнала, Никитин протянул мне трубку.

– Ты что там делаешь? – сурово спросил Дед.

– Пытаюсь кое-что прояснить. По моим сведениям, господин Никитин неплохо знал убитую на днях госпожу Луганскую. Вполне естественно в этой связи задать ему пару вопросов.

– Какое еще убийство? – рявкнул он. – Чем ты вообще занимаешься? Через пятнадцать минут жду тебя в своем кабинете, а за это время попробуй придумать хоть что-то в оправдание своего идиотского поведения.

– Постараюсь, – вздохнула я, передала трубку Никитину

и пошла к двери. Прощаться я не стала. Никитин об этом тоже забыл.

Ритка встретила меня с видом мученицы.

– Что ты опять натворила? – зашептала она трагически, косясь на дверь в святая святых.

– Пока ничего. Может, и вовсе не успею сотворить.

– Потом мне все расскажешь, подробно. А сейчас иди к нему. И, ради бога, не дразни его. Скромно так, с любовью и почтением.

– С любовью это обязательно, – заверила я, открыла дверь и вошла бочком, с самым что ни на есть сиротским видом.

Дед стоял возле окна и пялился в пустоту. Так он обычно пытался справиться с гневом. А то, что он сейчас разгневан, было ясно без слов. В фигуре заметное напряжение, челюсти сжал, повернул ко мне голову с большой неохотой, должно быть, тошно было ему видеть мою физиономию.

– Привет, – тоненько сказала я, опять же бочком пробравшись к креслу.

Дед выждал еще полминуты и наконец-то повернулся к окну спиной.

– Что тебе понадобилось у Никитина? – спросил он вроде бы спокойно, то есть его голос звучал ровно, но я-то знала, как обманчиво это впечатление, и расслабляться не спешила.

– В трех словах или подробно? – забеспокоилась я, давая понять, что очень ценю его время.

Дед смерил меня взглядом, устроился в кресле напротив и произнес:

– Подробно.

– Хорошо, – с готовностью отозвалась я. – Несколько дней назад на том самом приеме ко мне подошла женщина по имени Луганская Светлана Геннадьевна. Помнишь даму в красном платье? – Дед поморщился, но все же кивнул. – Она меня заинтриговала, заявив, что ее скоро убьют, и ее убили буквально на следующий день.

– Господи боже, – вздохнул Дед. – А Никитин здесь при чем?

– Он был знаком с убитой. – Я протянула ему фотографию. – Вот это мы нашли в ее квартире.

– Ну и что? Допустим, знал. Допустим, даже очень хорошо знал. Ты ведь не думаешь, что это он ее убил? – Он понаблюдал за мной и продолжил жестче: – А если все-таки думаешь, то забудь об этом. Никитин на редкость осмотрительный человек. Осмотрительный и осторожный. У него есть цель. На кой черт ему убивать какую-то девку? Не смей меня и оставь человека в покое. Тебе известно мое отношение к нему. Скоро выборы, и свистопляска вокруг его имени мне не нужна. Надеюсь, ты все поняла и повторяться мне не придется. Поняла?

– Конечно, – с готовностью кивнула я. – Только ты сказал «подробней», но меня так и не выслушал. Мне идти или можно кое-что добавить?

Он смотрел на меня с большим недовольством, потому что терпеть не мог, когда ему возражали. Я ждала с сиротским видом. Конечно, мне хотелось, чтобы он меня выслушал. К тому моменту мне стало ясно: я не могу оставить это дело, пока не разберусь в нем. Если мы не найдем с Дедом общего языка, я напишу заявление об уходе и возьмусь за расследование на свой страх и риск. Мои шансы разобраться резко уменьшатся, но надежда, как известно, умирает последней. Так что слова Деда уже ничего изменить не могли. Однако, как существо благоразумное, я не искала трудностей там, где могла бы их обойти.

– Хорошо, – кивнул он. – Я слушаю.

– Кому-то очень хотелось, чтобы эту фотографию нашли, – сказала я и изложила свои доводы. – Очень может быть, кто-то пытается использовать убийство Луганской, чтобы здорово тебе насолить, – закончила я свой рассказ. – Не знаю, кто это, но действует он решительно и не без фантазии.

– Думаешь, ее могли убить, чтобы поломать нам игру? – помедлив, спросил Дед.

– Я не исключаю такой возможности.

Он надолго задумался, при этом мрачнел на глазах. Я сидела тихо, стараясь не привлекать его внимания. Наконец он повертел в руках авторучку, взглянул на меня и сказал:

– Значит, так, пусть этим делом займется Вешняков. Разумеется, ты должна проследить за тем... – Я кивнула, а Дед

нахмурился. — Прекрати паясничать.

— Да у меня и в мыслях не было, — обиделась я. — Все будет тихо, без шума и пыли. Но сам понимаешь, с Никитиным я должна поговорить.

— Хорошо, — кивнул Дед. — Я сегодня с ним встречусь и посоветую с пониманием отнестись к твоей просьбе. У Риты возьмешь номер его телефона и вечером позвонишь.

— Спасибо, — сказала я, торопливо поднимаясь.

— Подожди, — посуровел Дед. — Прежде чем предпринимать какие-то шаги, советуйся со мной.

— Мне во всем советоваться или мелочи можно опустить?

— Во всем, — отрезал Дед.

Я пожала плечами, выразив тем самым свое недоумение, и удалилась.

— Ну что? — спросила Ритка, лишь только я закрыла дверь.

— Будем работать.

— А по-человечески объяснить можешь?

— Нет. Дед только что взял с меня подпису о неразглашении. В другое время я бы на нее наплевала, а теперь побаиваюсь.

— Уйди с глаз моих, — обиделась Ритка, и я ушла.

Вешняков, когда я по телефону рассказала ему о решении Деда, конечно, не пришел в восторг.

— Спасибо тебе большое. Черт угодил меня позвонить тебе тогда! Глядишь, и не узнала бы, что девчонка отдала богу душу. Ждал подполковника, а получил геморрой...

– Брось прибежаться, – призвала я его к порядку. – Не впервой, прорвемся.

– Прорываться я всегда рад, особенно в твоей компании. Хоть бы пивом угостила, раз уж втравила в историю.

– Это как взглянуть. Но пивом угощу. Если хочешь, даже с водкой.

– Лады. Встретимся часов в семь.

Мы встретились, выпили пива (от водки Артем после непродолжительной душевной борьбы отказался) и попробовали поговорить о футболе. Не то чтобы я особенно им интересовалась, скорее, напротив, однако Вешняков предпочитал футбольную тему, а мне было все равно. Но сколько бы мы ни старались, разговор очень скоро вернулся к насущному, то есть к убийству.

– Бесплезняк все это, – заныл Артем, он очень любил жаловаться на жизнь. Я к этому привыкла и давно уже внимания не обращала, выслушивая как малоприятное, но необходимое вступление. – Ясно, что дело опять в этой чертовой политике. Следовательно, работать не дадут, а крови попортят страсть сколько. Забила б ты на это дело. Девку все равно не вернешь, а я подполковника хочу. Сколько можно ждать, в конце концов? А здесь не только что подполковника лишишься, но очень может быть, что по мозгам схлопочешь. А все из-за чего? Из-за твоего неумеренного любопытства. Ладно, – отмахнулся Вешняков, заметив мою усмешку. – Будем восстанавливать справедливость в отдельно взятом рай-

ONE.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.